

П И Н О К К И О

ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ КЛАССИКА

КАРЛО КОЛЛОДИ

Книга К. Г. Г. Г. Г.
П. П. П. П. П.

84(4/8)
У60

Карло Коллоди

ПИНОККИО

115500/1

Москва

ЭКСМО

2004

Муниципальное государственное

библиотека

620077 г. Екатеринбург

ул. А.Воевода, 12

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4 Ита)
К 60

10

Коллоди К.
К 60 Пиноккио. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 288 с., ил. —
(Всемирная детская классика).

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4 Ита)

ISBN 5-699-08213-1

© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Как столяр Вишня нашёл полено,
которое плакало и смеялось, как ребёнок*

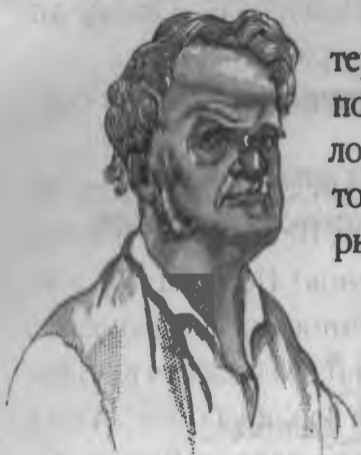
ил-был...

— Король! — скажут мои маленькие читатели.

Нет, детки, вы ошибаетесь. Жил-был не король, а попросту кусок дерева, обычное полено, одно из тех, которыми топят печи и камины. Не знаю, как это случилось, но в один прекрасный день это полено попало в мастерскую старого столяра Антонио, которого все звали мастером Вишней, потому что нос у него постоянно был красный, точно спелая вишня.

Как только мастер Вишня увидел это полено, он радостно потер руки и пробормотал вполголоса:

— Как вовремя попалося мне это полено; смастерю-ка из него ножку к столу.

Сказано – сделано. Мастер Вишня взял острый топор и уже замахнулся было, как вдруг послышался тоненький голосок, который отчётливо произнёс:

– Эй, полегче!

Старичок так и замер в изумлении.

Озадаченный, он осмотрел всю мастерскую, пытаясь выяснить, кто мог это крикнуть, но ничего не нашёл! Заглянул под скамью – никого; посмотрел в шкаф, который всегда стоял закрытый, – и там никого; проверил корзину, где лежали стружки и опилки, – никого; открыл дверь и выглянул на улицу, но и там никого не было. Что же это такое?

– Понятно, – рассмеялся мастер Вишня, почёсывая затылок. – Похоже, мне это просто-напросто послышалось. Что ж, пора за работу!

И, взяв топор, он звонко ударил им по полюну.

– Ой! Мне больно! – снова раздался жалобный голосок.

На этот раз мастер Вишня так и замер на месте, вытаращив глаза и разинув рот.

Придя в себя, он, дрожа от страха, пробормотал:

— Да кто же это крикнул: «Ой!»?.. Здесь же нет ни одной живой души. Неужели это полено умеет плакать, как ребёнок? Не может такого быть. Это же простое печное полено, такое же, как и другие поленья, если его бросить в огонь, то можно сварить целый горшок бобов.. А что, если кто-то спрятался в это полено? Если спрятался, тем хуже для него. Вот я ему задам!

С этими словами мастер Вишня схватил обеими руками несчастное полено — и давай немилосердно колотить его об стену мастерской. Затем он прислушался: не послышится ли опять жалобный голосок. Прошло две минуты — ничего; пять минут — ничего; десять минут — так ничего и не слышно!

— Всё ясно, — проговорил мастер Вишня, стараясь улыбнуться и поправляя колпак, — видно, мне только показалось, что кто-то закричал: «Ой!»! Возьмусь-ка опять за работу.

А поскольку он всё-таки сильно трусил, то попробовал затянуть для храбрости песенку.

Затем, отложив в сторону топор, мастер Вишня взял рубанок, чтобы обстругать полено. Но как только он начал водить по полену рубанком, ему опять послышался голосок, на этот раз смеющийся:

– Перестань! Ты меня щекочешь!

Тут уж бедный мастер Вишня свалился, как громом пораженный. Когда он открыл глаза, то увидел, что сидит на полу. От страха его лицо перекосилось, а нос из красного сделался фиолетовым.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Мастер Вишня дарит странное полено
своему другу Джепетто, который берёт его,
чтобы сделать чудесную куклу, умеющую
плясать, драться на саблях и прыгать*

Вдруг кто-то посту-
чался в дверь.

— Войдите, — произнес столяр, будучи не в силах подняться на ноги.

В мастерскую вошёл бодрый и подвижный старик по имени Джепетто. Соседские дети, чтобы подразнить его, дали ему прозвище Полентина, потому что парик у него был такого же жёлтого цвета, как кукурузная каша, которую в Италии называют полента.

Джепетто был очень раздражительным человеком; боже упаси назвать его Полентина! Он приходил тогда в такую ярость, что его невозможно было успокоить.

– Здравствуйте, мастер Антонио, – сказал Джепетто. – Что вы делаете на полу?

– Учү-азбуке муравьёв.

– Вот как!

– Как это вы ко мне попали, дружище Джепетто?

– Ноги привели. Мастер Антонио, я пришёл к вам с просьбой.

– К вашим услугам, – отозвался, приподнявшись, столяр.

– Сегодня утром я задумал одну вещь...

– Послушаем.

– Я надумал сделать из дерева куклу, чудесного шута, который умел бы плясать, прыгать и драться на саблях. С такой куклой я отправлюсь по белу свету, чтобы заработать кусок хлеба. Что вы думаете об этом?

– Отлично, Полентина, – закричал невесть откуда тоненький голосок.

Услышав ненавистное прозвище, Джепетто покраснел от злости, как рак, и воскликнул, обращаясь к столяру:

- Зачем вы меня оскорбляете?
- Кто вас оскорбляет?
- Вы меня называли Полентина!
- Я вас так не называл.
- Стало быть, я сам себя так назвал! Повторяю, это вы меня обозвали.
- Нет!
- Да!
- Нет!
- Да!

Разгорячившись, оба приятеля от слов перешли к делу и, схватившись врукопашную, принялись колотить друг друга, царапать и даже кусать.

В конце драки у мастера Антонио в руках оказался жёлтый парик Джепетто, а Джепетто держал в зубах седой парик мастера Антонио.

– Отдай мой парик! – закричал мастер Антонио.

– А ты верни мне мой, – ответил Джепетто, – и давай мириться.

Получив каждый своё, оба старичка протянули друг другу руки и поклялись остаться добрыми друзьями до конца жизни.

– Итак, кум Джепетто, – сказал столяр примирительным тоном, – о чём же вы хотели меня попросить?

– Мне нужен кусок дерева, чтобы сделать этого шута. Нет ли у вас чего-нибудь подходящего?

Мастер Антонио очень обрадовался возможности отделаться от загадочного полена, которого он крепко побаивался. Он немедленно направился к скамье, где оно лежало, но, как только он протянул его приятелю, полено подпрыгнуло, выскользнуло из рук столяра и ударило по тонким ногам Джепетто.

– Ай! Однако милый же у вас способ оказывать услуги, мастер Антонио. Вы едва не искалечили меня!

– Клянусь вам, это не я!

– Выходит, это я сам себя ударил?

– Во всём виновато это полено...

– Я знаю, что это полено, но вы бросили его мне на ноги!

– Нет, я его не бросал!

– Лгун!

– Джепетто, не оскорбляйте меня, не то я вас назову Полентиной!..

- Осёл!
- Полентина!
- Невежа!
- Полентина!
- Старая обезьяна!
- Полентина!

Услышав это прозвище в третий раз, Джепетто вышел из себя; он бросился на столяра, и тут произошло новое сражение, после которого у мастера Антонио осталось две царапины на носу, а у Джепетто не хватало двух пуговиц на сюртуке.

Тем не менее оба приятеля, сведя таким образом счёты, пожали друг другу руки и поклялись оставаться добрыми друзьями на всю жизнь.

Джепетто взял полено под мышку и, поблагодарив мастера Антонио, прихрамывая, отправился к себе домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Джепетто, вернувшись домой, принимается
делать куклу и даёт ей имя Пиноккио. —*

Первые проделки куклы

Вся квартира Джепетто состояла из маленькой комнатки внизу под лестницей; на лестницу же выходило и единственное её окно. Мебель хуже, чем в этой квартирке, трудно было себе представить: колченогий стул, плохонькая кровать и поломанный стол. В глубине комнаты находился камин, в котором горел огонь; на огне стоял котелок; в нём что-то варилось, и из него облачком вырывался пар. Но и огонь, и котелок, и пар над ним были ненастоящими, а только искусно нарисованными.

Войдя к себе, Джепетто сейчас же взял инструменты и начал мастерить свою куклу.

«Как же назвать моего деревянного сыниш-

ку? — думал он. — Назову его Пиноккио*. Это имя принесёт мне счастье. Я знал целое семейство Пинокки: Пиноккио — отец, Пиноккиа — мать и Пинокки — дети; все они жили очень хорошо: самый богатый из них просил милостыню».

Выбрав имя для куклы, Джепетто принялся за работу и прежде всего выточил голову, затем лоб, глаза, волосы. Но представьте себе изумление старичка, когда он, вырезав глаза, заметил, что они двигаются и пристально смотрят на него. Почувствовав себя неловко под этим взглядом, Джепетто сказал с раздражением:

— Деревянные глаза, что вы на меня смотрите?

Ответа не было.

Тогда он принялся вытачивать кукле нос. Как только нос был готов, он начал быстро расти и в несколько минут сделался невероятно длинным.

Как ни старался Джепетто укоротить его, всё было напрасно, он только зря выбился из

* Пиноккио — зерно сосновой шишки.

сил: чем больше он обрезывал нос, тем он становился длиннее.

После носа он сделал рот.

Рот ещё не был закончен, как уже стал смеяться и издеваться над Джепетто.

– Перестань смеяться! – закричал с досадой Джепетто.

Но с тем же успехом можно было приказывать стене.

– Тебе говорю, перестань смеяться! – вновь закричал старик грозным голосом.

Тогда рот перестал смеяться, но вместо этого высунул язык.

Джепетто, не желая отвлекаться, сделал вид, что не замечает языка, и продолжал работать. После рта он выточил подбородок, потом шею, затем плечи, туловище и руки.

Едва Джепетто закончил делать руки, он вдруг почувствовал, что кто-то сорвал с его головы парик. Он обернулся – и что же увидел? Он увидел свой жёлтый парик в руках паяца.

– Пиноккио, отдай мне сейчас же парик!

Но, вместо того чтобы возвратить парик, Пиноккио надел его на себя. Его голова целиком исчезла под париком Джепетто.

Эта дерзкая насмешка Пиноккио огорчила Джепетто так, как ничто другое его ещё не огорчало в жизни; он обратился к кукле с упрёком:

— Негодный мальчик! Ты ещё не совсем сделан, а уже начинаешь выказывать неуважение к своему отцу! Плохо, сынок, очень плохо!

Тут он даже утёр слезу.

Оставалось ещё сделать ноги.

Когда Джепетто выточил и ноги, то немедленно получил удар в нос.

«Я этого заслуживаю, — сказал он про себя. — Надо было раньше об этом подумать! Теперь уж поздно!»

Джепетто взял куклу за руки, поставил на пол и хотел заставить её ходить.

Но у Пиноккио ноги точно отекали, он не мог двигаться, и Джепетто пришлось водить его шаг за шагом. Постепенно Пиноккио привык к ходьбе, и вскоре уже сам начал бегать по комнате.

Но этого ему показалось мало: он выбежал за дверь, выскочил на улицу и... пустился наутёк.

Бедный Джепетто бросился за ним в погоню, но догнать не мог: негодник Пиноккио

скакал, как заяц; его деревянные ножки стучали по мостовой, точно двадцать бедняков, одетых в деревянные башмаки.

– Лови его, лови! – кричал Джепетто.

Но прохожие, увидев деревянного шута, резво бегущего по улице, останавливались в удивлении и покатывались со смеху.

Наконец, к счастью, попался полицейский, который, услышав шум и решив, что какая-нибудь лошадь удрала от хозяина, храбро стал поперек дороги, чтобы остановить беглянку. Пиноккио, издали завидев полицейского, преградившего ему дорогу, попробовал проскочить у него между ногами, но потерпел неудачу. Полицейский, не трогаясь с места, ловко

схватил Пиноккио за нос (а нос у него был чудовищно длинный, будто нарочно сделанный, чтобы за него ловить) и передал его в руки самому Джепетто.

Джепетто в наказание хотел тут же надрать Пиноккио уши, но они были слишком малы.

Тогда Джепетто схватил беглеца за шею и, покачав головой, сказал:

– погоди же! Вот вернёмся домой, я тебе дам, будь покоен!

Услышав эту угрозу, Пиноккио улегся на землю и ни за что не хотел идти с Джепетто.

Между тем вокруг собралась целая толпа любопытных прохожих. Кто-то принимал сторону Джепетто, кто-то заступался за Пиноккио, пошли толки, препирательства.

– Бедный мальчуган! – говорили одни. – Он прав, что не хочет идти домой! Знает, как его побьёт этот Джепетто!

А другие насмешливо прибавляли:

– Этот Джепетто с виду честный человек, но с детьми он просто тиран! Если эта бедная кукла окажется в его руках, то от неё только щепки останутся!

Одним словом, столько наговорили в защиту Пиноккио, что полицейский отпустил его на свободу, а бедного Джепетто отвёл в тюрьму. Не находя слов в свою защиту, старик плакал, как ребёнок, и, направляясь к тюрьме, бормотал, рыдая:

— Вот мерзкий мальчишка! Подумайте, сколько я трудился, чтобы выточить его из полена! Так мне и надо! Нужно было мне раньше как следует подумать!

То, что случилось потом, до того странно и необычно, что не всякий, пожалуй, и поверит этому. Я расскажу всё в следующих главах.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

*Приключения Пиноккио со Сверчком-говоруном,
из которых следует, что скверные дети
не любят, чтобы их наставляли те,
кто знает больше них*

Итак, в то время как бедного Джепетто вели в тюрьму ни за что ни про что, Пиноккио, выпущенный полицейским на свободу, улепётывал через поля, чтобы поскорее вернуться домой. Он так торопился, что перепрыгивал через ямы, через канавы, наполненные водой, через высокие кустарники, как это сделал бы козлёнок или зайчик, преследуемый охотниками.

Когда он добежал до дому, дверь в квартиру Джепетто оказалась приотворённой. Пиноккио толкнул её, вошёл в комнату, запер дверь на задвижку и тотчас же сел на пол, вздохнув свободно и радостно.

Но эта радость была непродолжительна: почти сразу же послышался странный звук:

– Кри-кри-кри!

– Кто это меня зовет? – спросил испуганный Пиноккио.

– Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого сверчка, медленно ползущего по стене.

– Кто ты такой?

– Я Сверчок-говорун и живу в этой комнате больше ста лет.

– Но теперь эта комната моя, – заявил Пиноккио, – и если ты хочешь доставить мне удовольствие, то уходи отсюда сейчас же и даже назад не оглядываясь.

– Я не уйду отсюда, – ответил Сверчок, – пока не открою тебе истину.

– Так говори скорее и уходи.

– Горе тем детям, которые не повинуются родителям и покидают из-за каприза родительский дом. Они никогда не будут счастливыми и, рано или поздно, горько раскаются в своей ошибке.

– Пой себе, пой, Сверчок, если тебе так нравится, но я знаю, что завтра, чуть свет, я уйду

отсюда, потому что если я тут останусь, то меня пошлют в школу, как всех других детей, и мне волей-неволей придётся учиться; а сказать тебе откровенно, мне совсем не охота этим заниматься. Куда веселей бегать за бабочками, лазать по деревьям и разорять птичьи гнёзда.

— Бедный глупец! Если и дальше будет так продолжаться, то ты, когда вырастешь, станешь настоящим ослом, над которым все будут насмехаться.

— Замолчи, Сверчок, не пророчь! — закричал Пиноккио.

Но Сверчок был терпелив и умен и вместо того, чтобы обидеться на грубость, продолжал тем же голоском:

— Если ты не хочешь ходить в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы зарабатывать на хлеб?

— А я тебе скажу, — возразил Пиноккио, начинавший терять терпение, — что из всех занятий, существующих в мире, мне по душе только одно.

— Какое же?

— Есть, пить, спать, развлекаться и бродить с утра до вечера без всякого дела.

– Знай же, – сказал Сверчок-говорун со своим обычным спокойствием, – все, кто занимается только этим, кончают жизнь в больнице или в тюрьме.

– Берегись, Сверчок, не каркай, а то рассердишь меня – беда будет!

– Бедный Пиноккио, мне жаль тебя!

– Почему это ты стал вдруг жалеть меня?

– Потому, что ты не человек, а кукла, и ещё потому, что у тебя деревянная голова.

Услышав такое, Пиноккио в бешенстве

вскочил и, схватив со скамьи деревянный молоток, бросил его в Сверчка-говоруна.

Может быть, он и не думал попасть в него, но, к несчастью, молоток угодил Сверчку прямо в голову, и бедное насекомое только успело сказать: «кри-кри-кри!» – как было раздавлено и прилеплено к стене.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Пиноккио голоден; он находит яйцо,
хочет сделать из него яичницу, но эта яичница
улетает в окошко*

Тем временем уже начало смеркаться, и Пиноккио вспомнил, что ещё ничего не ел, и у него появилось ощущение, похожее на аппетит. Аппетит у детей развивается быстро, и уже через несколько минут этот аппетит у Пиноккио превратился в голод, а голод этот вскоре стал просто невыносимым. Бедный Пиноккио бросился к камину, в котором дымился котелок. Он хотел посмотреть, что там варилось, но котелок и дым оказались нарисованными. Вообразите разочарование Пиноккио! Его нос, и без того длинный, вытянулся, по крайней мере, ещё на четыре пальца.

Тогда Пиноккио стал бегать по комнате и искать во всех ящиках и углах хоть кусочек

хлеба, хотя бы залежалого, сухого, или даже кость, оставленную собакой, или немного испорченной каши, или рыбий хребет, или вишнёвую косточку, одним словом, что-нибудь съестное. Но все поиски были напрасны: он не нашёл ровным счётом ничего. А голод всё усиливался, и бедному Пиноккио удавалось забыть о нём только во время зевоты, и зевал он так широко, что порой его рот доходил до ушей; но после зевоты голод мучил его ещё сильнее. Пиноккио был в отчаянии и со слезами говорил сам себе:

— Прав был Сверчок-говорун. Нехорошо я сделал, что не слушался папу и убежал из дому... Если бы папа был здесь, я бы не умирал от зевоты! Ох, какая скверная вещь голод!

Вдруг он заметил в мусорной куче что-то белое, круглое, похожее на куриное яйцо. Он тотчас же кинулся туда. Это и в самом деле оказалось яйцо. Трудно описать радость Пиноккио. Он едва верил, что это не сон, вертел в руках яйцо и даже целовал его, приговаривая:

— Как же мне его сварить? Сумею ли я сделать яичницу? Нет, лучше испечь его на тарел-

ке!.. Или лучше поджарить его на сковороде? А не сварить ли его всмятку? Нет, всё-таки лучше испечь его в тарелке или на сковороде! Очень уж хочется его съесть.

С этими словами он немедленно поставил сковородку на жаровню, наполненную горячими угольями, влил, вместо масла, немного воды и, когда вода начала кипеть, разбил яйцо и хотел выпустить на сковороду его содержимое. Но вместо белка и желтка из скорлупы выскочил цыплёнок, весёлый и шустрый; он вежливо поклонился Пиноккио и сказал ему:

— Большое спасибо, господин Пиноккио, за то, что вы избавили меня от труда самому разбивать яичную скорлупу! До свидания, будьте здоровы, кланяйтесь всем вашим.

С этими словами цыплёнок расправил крылышки и улетел в открытое окно...

Бедняга Пиноккио прямо остолбенел. Некоторое время он стоял, вытаращив глаза, с открытым ртом и со скорлупой в руке. Придя в себя, он заплакал, стал в отчаянии кричать и топтать ногами. В слезах он твердил себе:

— Прав был Сверчок-говорун! Если бы я не убежал из дому и папа был бы со мной, то я не

умирал бы с голоду. Ох, какая прескверная вещь голод!

А есть хотелось всё больше и больше, и Пинноккио не знал, как утолить голод. Тогда он надумал выйти из дому и пробежаться в соседнюю деревню в надежде встретить доброго человека, который дал бы ему кусочек хлеба.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Пиноккио засыпает у жаровни и просыпается
на следующее утро с обгорелыми ногами*

Ночью разыгралась непогода: гром гремел, не смолкая, молнии сверкали так, что казалось, будто небо загорелось; холодный, резкий ветер яростно свистел, поднимая тучи пыли и заставляя стонать деревья.

Пиноккио очень боялся грома и молнии, но голод был сильнее страха. Он открыл дверь и побежал так быстро, что в сто прыжков достиг деревни. Запыхался он так, что высунул язык, как охотничья собака. Но в деревне всё было темно и тихо. Лавки оказались закрыты, двери домов заперты, ставни затворены, и на улице не было даже собак.

Казалось, вся деревня вымерла.

Тогда Пиноккио, доведенный голодом до

отчаяния, схватился за звонок на крыльце ближайшего дома и стал звонить, говоря себе:

– Кто-нибудь да выглянет хотя бы в окно.

Действительно, в окно выглянул какой-то старик в ночном колпаке на голове.

– Что вам нужно в такой поздний час? – закричал он сердито.

– Не будете ли вы добры дать мне кусок хлеба? – попросил Пиноккио.

– Подождите здесь, я сейчас вернусь, – сказал старичок.

Он решил, что имеет дело с уличным безобразником, который из шалости звонит, чтобы беспокоить добрых людей, отдыхающих после трудового дня.

Через полминуты окно опять открылось, и тот же старик прокричал:

– Подойдите ближе и подставьте шляпу...

Пиноккио тотчас же снял шляпу, но не успел протянуть её, как поток воды залил его с головы до ног.

После такого купания ему пришлось несолоно хлебавши возвращаться домой; он был весь мокрый и еле двигался от усталости и голода.

В полном изнеможении, придя домой, он сел на стул и положил свои мокрые и грязные ноги в жаровню с горячими угольями. Так он и заснул. Во время сна его деревянные ноги загорелись, обуглились и превратились в золу. А Пиноккио продолжал спать и храпеть, будто и не его ноги сгорели. Наконец к утру он проснулся, потому что услышал стук в дверь.

– Кто там? – спросил он, зевая и протирая глаза.

– Это я! – ответили за дверью.

Пиноккио узнал голос Джепетто.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Джепетто возвращается домой и отдаёт кукле
завтрак, купленный им для себя*

Бедный Пиноккио, проснувшись, ещё не заметил, что случилось с его ногами; поэтому, услышав голос отца, он спрыгнул со стула, чтобы отворить ему дверь, но почти сразу же растянулся во весь рост на полу. Он упал с таким грохотом, с каким свалился бы с пятого этажа мешок деревянных ложек.

- Открывай же! — кричал Джепетто с улицы.
- Не могу, папа... — ответил Пиноккио, в слезах катаясь по полу.
- Что с тобой стряслось?
- Кто-то съел мои ноги.
- Кто же мог их съесть?
- Кошка, — сказал Пиноккио, увидев кошку, игравшую со стружками.

– Отворяй лучше подобиру-поздорову! – снова крикнул Джепетто. – А если не откроешь, то я войду сам, я покажу тебе кошку!

– Но я не могу стоять на ногах, поверьте мне. Ох, какой я несчастный, мне придется всю жизнь ползать на коленях.

Джепетто, уверенный, что все эти слёзы и мольбы не что иное, как новые проделки, решил положить им конец; он вскарабкался по стене и влез через окошко в комнату.

Сначала Джепетто собирался исполнить свою угрозу – наказать мальчугана; но когда он увидел своего Пиноккио на полу без ног, его родительское сердце дрогнуло; он схватил сынишку на руки, прижал к себе и стал целовать его и успокаивать.

– Пиноккио, бедный мой мальчик! Как это ты сжёг свои ножки? – говорил он со слезами на глазах.

– Не знаю, папочка, но поверьте, эта ночь была такой страшной, что я её никогда не забуду. Гром гремел, молнии сверкали, и я был страшно голоден, а Сверчок-говорун всё повторял: «Так тебе и надо за то, что ты был непослушным». Я ему сказал: «Берегись, Сверчок!!!», а он мне ответил: «Ты кукла, и голова у тебя деревянная»; я бросил в него молоток, а он и умер; но он сам был в этом виноват, потому что я не хотел его убивать; потом я поставил сковороду на жаровню с угольями, но цыплёнок улетел и сказал мне: «До свидания, кланяйтесь всем вашим». А голод всё усиливался, и тот старичок в колпаке, высунувшись в окошко, сказал: «Подойди поближе и подставь шляпу», – и облил меня всего водой. Ведь про-

сить кусочек хлеба не стыдно, правда? Я сразу вернулся домой и поставил ноги на жаровню, чтобы их высушить, а вы вернулись, и ноги оказались обгорелыми. И вот голод при мне, а ног уже нет!

Тут бедный Пиноккио заплакал и застонал так, что его было слышно во всей округе.

Джепетто, понявший из всего того, что ему наговорил Пиноккио, только то, что он голоден, вынул из кармана три груши и, отдавая их кукле, сказал:

— Эти груши я приготовил себе на завтрак, но охотно отдам их тебе; кушай себе на здоровье.

– Если вы хотите, чтобы я их съел, то будьте добры очистить кожу.

– Очистить кожу? – спросил удивлённый Джепетто. – Я и не подозревал, сынок, что ты такой привередливый. Плохо это! Надо привыкать с детства есть всё, потому что мы не можем знать, что с нами будет. Сколько происходит всяких случайностей!..

– Это правильно, – ответил Пиноккио, – но всё-таки я никогда не буду есть фрукты вместе с кожей. Я терпеть не могу кожу и скорлупу.

Добряк Джепетто, вынув из кармана нож, терпеливо очистил груши и положил кожу на угол стола.

Когда Пиноккио проглотил в два приёма первую грушу, он хотел выбросить её сердцевину, но Джепетто удержал его руку и сказал:

– Не бросай: всё в жизни пригодится.

– Но я сердцевину есть не буду!.. – закричал паяц, капризно завертевшись.

– Кто знает, мало ли что может случиться, – спокойно повторил Джепетто.

Пиноккио подчинился и положил все три отгрызка на угол стола, где лежала и кожа.

Съев или, лучше сказать, проглотив груши,

Пиноккио широко зевнул и жалобно сказал:

– Я всё ещё голоден!

– Но у меня ничего больше нет, дитя моё.

– Неужели ничего, совсем ничего?

– Только и осталось, что эти сердцевины и кожицы от груш.

– Что делать! – сказал Пиноккио. – Если ничего больше нет, то съем хоть одну сердцевину.

И он начал её разжевывать. Сначала он морщился, но потом – одну за другой – съел все три сердцевины; потом потянулся и к кожицам, и когда всё это было съедено, он радостно потёр себе руки и прибавил с восторгом:

– Теперь я себя чувствую хорошо!

– Вот видишь, – заметил ему Джепетто, – я был прав, когда говорил тебе, что надо привыкаться есть всё. Дорогой мой, мы не можем знать, что с нами случится. Столько бывает всяких случайностей!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джепетто придельывает новые ноги Пиноккио и продаёт свою куртку, чтобы купить ему азбуку

Наевшись, Пиноккио стал капризничать и плакать, прося Джепетто сделать ему новые ноги.

Но Джепетто, желая наказать его за дурное поведение, добрую половину дня не обращал никакого внимания на его слёзы и жалобы, а потом сказал:

– А для чего я стану делать тебе новые ноги? Уж не для того ли, чтобы ты мог снова удрать из дома?

– Клянусь вам, – ответил Пиноккио, – что с сегодняшнего дня я буду разумным...

– Все вы так говорите, – возразил Джепетто, – когда хотите что-нибудь получить.

– Но я не такой, как другие дети! Я лучше всех детей и всегда говорю правду. Обещаю

вам, отец, что научусь какому-нибудь ремеслу и стану вашим утешением, вашей поддержкой в старости.

Хотя Джепетто и напускал на себя сердитый вид, но глаза его были полны слёз, и его сердце страдало при виде Пиноккио в таком жалком положении. Он ничего не ответил, но сразу же взял инструменты, нашёл две палочки и с жаром принялся за работу.

Не прошло и часа, как ноги были готовы: две ножки, легкие, тонкие, быстрые, как будто сделанные великим мастером.

Тогда Джепетто сказал кукле:

— Закрой глаза и спи!

Пиноккио закрыл глаза, но не заснул, а только притворился спящим. В это время Джепетто развел клей в яичной скорлупе и приладил ему обе ноги так хорошо, что даже не заметно было место их склейки.

Как только Пиноккио почувствовал, что у него опять есть

ноги, он соскочил со стола, на котором лежал, и на радостях принялся выделять самые немислимые прыжки.

— Чтобы отблагодарить вас за всё то, что вы для меня сделали, — сказал Пиноккио отцу, — я хочу сейчас же пойти в школу.

— Отлично, сынок!..

— Мне только нужно немного приодеться.

Джепетто был очень беден, в кармане у него не было ни гроша; поэтому он сделал кукле костюм из толстой бумаги, башмаки из древесной коры и шляпу из хлебного мякиша.

Одевшись, Пиноккио побежал посмотреться в ведро с водой, остался очень доволен собой и сказал с важностью:

— Да ведь я выгляжу настоящим господином!

— Это правда, — отзывался Джепетто, — но только заруби себе на носу, что

не красивое платье, а чистое платье делает из человека господина.

– Кстати, – сказал Пиноккио, – мне всё-таки ещё кое-чего не хватает, чтобы идти в школу.

– Чего именно?

– Азбуки.

– Это правда, но откуда её взять?

– Очень просто: купить у торговца.

– А деньги?

– У меня их нет.

– И у меня нет, – печально сказал добрый старичок.

Хотя Пиноккио отличался весёлым нравом, но тут и ему стало грустно, потому что бедность понимают все, даже дети.

– Подожди немного! – вдруг воскликнул Джепетто, вставая на ноги, и, надев свою старую куртку из бумажной ткани, всю в заплатках, он быстро вышел из дому.

Вскоре он вернулся с азбукой для своего сына, но уже без куртки. Бедняга остался без верхнего платья, хотя на дворе стоял холод.

– А где же ваша куртка, папа? – спросил Пиноккио.

- Я её продал.
- Зачем вы это сделали?
- Потому что мне было жарко.

Пиноккио понял, в чём дело, и, не будучи в состоянии сдержать своих чувств, бросился на шею Джепетто и стал его целовать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*Пиноккио продаёт азбуку, чтобы посмотреть
кукольное представление*

Когда снег перестал идти, Пиноккио с азбукой под мышкой направился к школе и всю дорогу мечтал, строил воздушные замки, один лучше другого. Он говорил сам себе:

— Сегодня в школе возьму и сразу научусь читать, а завтра уже буду уметь писать, а послезавтра — выучу и цифры. Потом, с моим прилежанием и моей смекалкой, я буду зарабатывать много денег; на первые же деньги куплю суконную куртку отцу. Что я говорю — суконную? Я закажу ему куртку, вышитую золотом и серебром, с бриллиантовыми пуговицами. Ведь он, бедный, её заслуживает: в самом деле, для того, чтобы купить мне книги и дать мне образование, он остался без верхнего платья... да ещё в

такие холода! Только одни отцы способны на такие жертвы!..

Так Пиноккио шёл, увлечённый своими фантазиями, и вдруг ему послышались звуки флейты и барабана, долетавшие издалека. Он остановился и стал прислушиваться. Звуки доносились из маленькой деревушки, расположенной на берегу моря.

– Что это за музыка? Жаль, мне нужно идти в школу, а то бы я...

И Пиноккио остановился, заколебавшись: идти ли ему в школу или послушать музыку.

– Сегодня я пойду послушаю музыкантов, а завтра уж отправлюсь в школу. В школу всегда ещё успею, – решил наконец мальчуган, пожимая плечами.

Сказано – сделано: он свернул на большую дорогу и со всех ног пустился к деревушке. Чем дальше бежал Пиноккио, тем отчетливей доносились до него пение флейты и стук барабана. Вдруг он очутился посреди площади, на которой у деревянного балагана, покрытого разноцветным полотном, толпился народ.

– Что это за балаган? – спросил Пиноккио, обращаясь к какому-то мальчику.

– Прочти вывеску, сам узнаешь.

– Охотно прочитал бы, но сегодня я не умею читать.

– Ну и неуч! Хорошо, слушай, я тебе прочту. Видишь на этой вывеске красные, как огонь, буквы? Это написано: «Большой кукольный театр»...

– А давно начали представление?

– Сейчас начинается.

– А сколько надо заплатить за вход?

– Пять монет.

Любопытство Пиноккио разгорелось до того, что он позабыл и про стыд, и про приличия. Он обратился к мальчику:

– А ты не мог бы одолжить мне до завтрашнего дня пять монет?

– С удовольствием бы одолжил, – ответил тот насмешливо, – да не могу.

– За пять монет я продам тебе мою куртку, – предложил Пиноккио.

– На что мне твоя куртка из толстой бумаги? Она при первом же дожде размокнет так, что её и с плеч не снимешь.

– Может, ты купишь мои башмаки?

– Они годятся только на растопку.

– Ну, так сколько ты мне дашь за шляпу?

– Подумаешь, сокровище – шляпа из хлебного мякиша! А что, если крыса съест её прямо у меня на голове!

Пиноккио был как на иголках. Он уж готов был сделать последнее предложение, но храбрости не хватало; он не решался, покачивал головой, мучился. И наконец сказал:

– Хочешь купить у меня за пять монет эту новую азбуку?

– Я ничего не покупаю у детей, – ответил мальчик, которому было не занимать осторожности и здравого смысла.

– Я готов взять за пятак вашу азбуку, – закричал старьёвщик, слышавший этот разговор.

И книга тут же была продана. А ведь бедный Джепетто сидел дома и дрожал от холода – и всё ради того, чтобы купить азбуку своему сыну!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Куклы узнают в Пиноккио собрата и торжественно встречают его, но в самый разгар веселья является хозяин театра Манджафоко, и Пиноккио рискует плохо закончить свою жизнь

Когда Пиноккио вошёл в балаган, начался переполох. Нужно сказать, что занавес был поднят и представление уже началось.

На сцене находились Арлекин и Пульчинелло, которые ссорились и уже были готовы угостить друг друга пощёчинами и палочными ударами, как водится в таких спектаклях.

Зрители внимательно следили за представлением и хохотали от души: куклы двигались и бранились так естественно, что, казалось, это были живые существа.

Вдруг Арлекин умолкает и, повернувшись к публике, указывает на кого-то, а потом взволнованно объявляет:

– Боже мой! Уж не сон ли это! Если я не ошибаюсь, там стоит Пиноккио!..

– Это он, без сомнения! – кричит Полишинель.

– Конечно, это он! – пропищала кукла Роза-ура, украдкой выглянув из глубины сцены.

– Пиноккио, Пиноккио! – И все куклы с радостными возгласами выбежали из-за кулис.

– Это наш Пиноккио! Да здравствует Пиноккио!

– Пиноккио, поднимайся сюда! – снова закричал Арлекин. – Приди в объятия твоих деревянных братьев!

Пиноккио откликнулся на этот призыв: он сделал скачок и перепрыгнул из задних рядов на первые; ещё один скачок – и он прыгнул на голову дирижера оркестра, а затем вскочил прямо на сцену.

Трудно представить себе, какой восторженный приём встретил Пиноккио у актёров и актрис этой труппы, сколько было объятий, сколько он получил дружеских тычков и щелчков!

Зрелище было трогательное, но публика, увидев, что спектакль прервался, стала кричать:

— Комедию, мы хотим смотреть комедию!

Но всё было напрасно; вместо того чтобы продолжать комедию, куклы зашумели ещё сильнее и, подняв Пиноккио на плечи, поднесли его к рампе.

Тогда на сцену вышел хозяин театра, человек такой ужасной наружности, что даже смотреть на него было страшно. Борода его была чёрная, как чернила, и такая длинная, что до-

ходила до полу и путалась у него под ногами, когда он шёл. Рот у него походил на жаровню, а глаза горели, как два фонаря зелёного цвета; он держал в руках большой кнут, сделанный из змей и лисьих хвостов, сплетённых вместе.

При неожиданном появлении хозяина все как будто онемели, наступила такая тишина, что можно было услышать, как муха пролетит. Бедные актёры и актрисы дрожали, как осиновые листья.

— Ты явился, чтобы устроить бунт в моём театре? — спросил хозяин Пиноккио страшным, хриплым голосом.

— Поверьте, ваше сиятельство, что всё это случилось не по моей вине!..

— Довольно! Сегодня вечером мы сочтёмся.

Действительно, по окончании представления хозяин отправился на кухню, где ему на ужин медленно пёкся на вертеле целый барашек. Дров, чтобы дожарить его, не хватало, и тогда хозяин позвал Арлекина и Пульчинелло и сказал им:

— Приведите-ка ко мне этого Пиноккио; я его пока что подвесил на гвоздь. Сдаётся мне, что он сделан из очень сухого дерева, и если

его бросить в огонь, то моё жаркое получится на славу.

Арлекин и Пульчинелло не решались исполнить это приказание, но под грозным взглядом хозяина повиновались и вскоре вернулись на кухню, неся на руках бедного Пиноккио, который извивался, как угорь, и отчаянно кричал:

— Папаша, спасите меня! Я не хочу умирать, нет, не хочу!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Манджафоко чихает и прощает Пиноккио,
который после этого защищает и спасает
от смерти своего друга Арлекина*

озяин, которого звали Манджафоко, то есть «глотающий огонь», казался страшилищем, спору нет: его чёрная борода закрывала ему грудь и ноги, как фартук. Но, в сущности, он не был злым человеком. Увидев Пиноккио, отбивавшегося и кричавшего «не хочу умирать», он сжалился над ним. Он долго крепился, но наконец не выдержал и... громко чихнул.

Тут Арлекин, до той поры печальный и по-
нурый, как плакучая ива, вдруг повеселел и, на-
гнувшись к Пиноккио, прошептал ему:

— Хорошая примета, братец! Хозяин чих-
нул, а это значит, что он сжалился над тобой, —
теперь ты спасен.

Обычно все люди, чувствуя жалость, или плачут, или же просто утирают слёзы. Манджафоко, когда действительно бывал растроган, имел привычку чихать. Так он показывал другим, какое чувствительное у него сердце.

Итак, чихнув, хозяин, всё ещё стараясь казаться строгим, закричал Пиноккио:

– Перестань плакать! Твои жалобы совсем расстроили меня... я почти... чхи, чхи! – Тут он чихнул ещё два раза.

– Будьте здоровы! – сказал Пиноккио.

– Благодарю. Живы ли твои папа и мама? – спросил Манджафоко.

– Папа жив, а матери я никогда не знал.

– Какое горе было бы для твоего старика отца, если бы я бросил тебя в огонь. Бедный старик! Жаль мне его!.. чхи, чхи, чхи! – Тут он чихнул ещё трижды.

– Много лет здравствовать! – сказал Пиноккио.

– Благодарю. Однако надо и меня пожалеть: как видишь, у меня нет больше дров, чтобы дожарить барашка, а ты, по правде говоря, подошёл бы как нельзя лучше! Но я сжалился над тобой, и тут уж ничего не поделаешь. Вместо

тебя я брошу в огонь какую-нибудь куклу из моей труппы!.. Эй, жандармы!

На зов тотчас же явились два деревянных жандарма, высоких, сухопарых, в одинаковых шляпах и с обнажёнными саблями.

Хозяин приказал им хриплым голосом:

— Возьмите-ка вот этого Арлекина, свяжите его хорошенько и бросьте в огонь. Я хочу, чтобы мой барашек был хорошо поджарен!

Можете себе представить, что почувствовал Арлекин при этих словах. Он до того испугался, что ноги у него подкосились, и он упал на пол.

Не выдержав такого зрелища, Пиноккио бросился к ногам хозяина и, заливая слезами его бороду, умоляющим голосом проговорил:

- Сжальтесь, господин Манджафоко!..
- Тут нет господ! – грубо сказал ему хозяин.
- Сжальтесь, ваше благородие!..
- Здесь нет никаких благородий!..
- Сжальтесь, командир!..
- Нет здесь командиров!
- Сжальтесь, ваше превосходительство!..

Услышав этот последний титул, хозяин вдруг важно поджал губы и сразу смягчился.

- Чего же ты от меня хочешь? – спросил он.
- Помилуйте бедного Арлекина...
- Об этом не может быть и речи. Если я по-миловал тебя, то я должен бросить в огонь его, ведь надо же мне хорошенько зажарить своего барашка.

– В таком случае, – гордо воскликнул Пиноккио, вскакивая и бросая свою шляпу из хлебного мякиша, – в таком случае я знаю, что

мне делать. Идите, жандармы! Свяжите меня и бросьте в огонь! Я не допущу, чтобы бедный Арлекин, мой друг, умирал из-за меня!

Эти слова, произнесённые громким, решительным голосом, до слёз тронули всех кукол, присутствовавших при этой сцене. Даже жандармы, хотя и были деревянные, заплакали, как дети.

Манджафоко сначала не двигался и оставался холодным, как глыба льда, но понемногу и он растрогался и опять начал чихать. Чихнув четыре или пять раз, он раскрыл свои объятия Пиноккио и сказал ему:

– Ты очень хороший мальчик! Поцелуй же меня!

Пиноккио стрелой подбежал к Манджафоко и, вскарабкавшись, как белка, по его бороде, звонко поцеловал его в самый кончик носа.

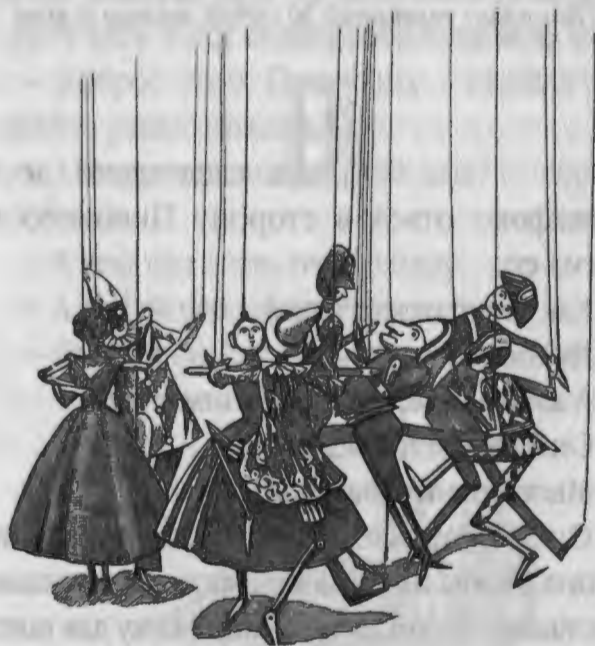
– Значит, я помилован? – спросил бедный Арлекин еле слышно.

– Да, помилован! – ответил Манджафоко.

Потом, со вздохом покачав головой, он прибавил:

– Что делать!.. Придется сегодня вечером есть барашка недожаренным, но уж в другой раз беда тому, чья очередь придет!..

Услышав, что Манджафоко всех простил, куклы гурьбой выбежали на сцену, зажгли свечи и лампы, как для бала, и стали прыгать и плясать. И так они веселились до самого утра.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Манджафоко дарит Пиноккио пять золотых монет, чтобы он отнёс их своему отцу Джепетто; но Пиноккио увлекают за собой лисица и кот

а следующий день Манджафоко отвел в сторону Пиноккио и спросил его:

- Как зовут твоего отца?
- Джепетто.
- А каким ремеслом он занимается?
- Он занимается бедностью.
- Много он зарабатывает?
- Он зарабатывает столько, сколько нужно для того, чтобы никогда не иметь ни полушки. Представьте: чтобы купить мне азбуку для школы, он вынужден был продать свою единственную истрёпанную и заплатанную куртку.

– Бедняга! Мне очень жаль его. Вот тебе пять золотых монет: иди снеси отцу эти деньги и кланяйся ему от меня.

Пиноккио горячо поблагодарил хозяина, обнял каждого из актёров труппы и даже жандармов и, вне себя от радости, пустился домой.

Но не успел он уйти далеко, как встретил по дороге хромую лису и слепого кота, которые брели, помогая друг дружке. Лиса показывала дорогу коту, а кот поддерживал хромую лису.

– Доброе утро, Пиноккио, – сказала лиса, вежливо раскланиваясь.

– Откуда ты знаешь моё имя? – спросил мальчик.

– Я хорошо знаю твоего папу!

– А где ты его видела?

– Вчера я видела его у порога его дома.

- А что он делал?
- Он был без куртки и дрожал от холода.
- Бедный папа! Но теперь он не будет больше дрожать!
- Почему это?
- Да потому, что я теперь стал богатым человеком.

– Ты стал богатым человеком? – сказала лиса и звонко рассмеялась.

Кот тоже смеялся, но, чтобы не показать этого, тер лапой свои усы.

– Нечего смеяться, – закричал Пиноккио, – жаль мне вас дразнить, но убедитесь сами: смотрите-ка, пять золотых монет.

И он вынул пять монет, подарок Манджафоко.

Звон этих монет волшебным образом подействовал на обоих приятелей: лиса невольно выпрямила кривую лапу, а кот раскрыл оба глаза, но лапа так быстро согнулась, а глаза кота моментально закрылись, и Пиноккио ничего не успел заметить.

– Что же ты хочешь сделать с этими деньгами? – спросила лиса.

– Прежде всего, – ответил мальчик, – я хочу купить папе прекрасную новую куртку, ши-

тую золотом и серебром, с бриллиантовыми пуговицами, а потом ещё куплю себе азбуку.

– Азбуку?

– Да, потому что я хочу ходить в школу и как следует учиться.

– Посмотри на меня! – сказала лиса. – Из-за глупой страсти к учению я лишилась одной ноги.

– И на меня посмотри! – подхватил кот. – Из-за той же глупой страсти к учению я ослеп.

В это время белый дрозд, сидевший на кусте у дороги, крикнул мальчику:

– Пиноккио, не слушай советов дурных товарищей, не то будешь раскаиваться!

Бедный дрозд, лучше бы он молчал! Кот бросился на него, и не успел он даже крикнуть «ой», как был проглочен целиком, с перьями. После такого завтрака кот умылся лапами, закрыл глаза и опять притворился слепым.

– Бедный дрозд! – сказал Пиноккио. – Зачем ты так жестоко поступил с ним?

– Он сам виноват! Не надо вмешиваться в чужие разговоры.

Все трое продолжали путь и прошли уже половину дороги; вдруг лиса остановилась и обратилась к Пиноккио:

– А ты не хочешь увеличить своё богатство?

– То есть как это?

– Хочешь из этих жалких пяти монет сделать сто, тысячу, две тысячи?

– Ещё бы, конечно, хочу, но как это сделать?

– Это очень просто. Только пойдём не домой, а с нами.

– А куда вы меня поведёте?

– В страну Ловидуралею.

Пиноккио немного подумал, но затем решительно сказал:

– Нет, я не пойду. Мой дом уже близко, и я пойду туда, к своему отцу. То-то, он, наверное,

вчера волновался, поджидая меня. Да, я поступил плохо; Сверчок был прав, когда говорил: «Непослушные дети не могут быть счастливыми на этом свете». И я в этом убедился: сколько со мной приключилось несчастий! Вчера вечером у Манджафоко я даже чуть было... брр!.. Даже в дрожь бросает, когда подумаю об этом!

— Так ты хочешь домой? — спросила лиса. — Тем хуже для тебя, ступай.

— Тем хуже для тебя, — повторил кот.

— Только подумай хорошенько, Пиноккио, потому что ты уходишь от своего счастья.

— От счастья! — повторил кот.

— Твои пять золотых монет превратились бы к завтрашнему дню в две тысячи золотых монет.

— Две тысячи монет! — повторил кот.

— Да разве такое может быть, чтобы из пяти золотых монет получилось столько денег? — спросил Пиноккио, разинув от изумления рот.

— Я тебе всё объясню, — сказала лиса. — Видишь ли, в стране Ловидуралее есть поле, которое называют «полем чудес». Ты роешь ямку, кладешь туда, например, одну монету, засыпа-

ешь эту ямку землёй и поливаешь двумя вёдрами воды; потом посыпаешь это место солью и идёшь себе спокойно спать. Ночью монета начинает расти и цвести, и знаешь, что ты увидишь, когда придёшь на поле на следующее утро? Ты увидишь прекрасное дерево, и на нём столько монет, сколько бывает зёрен в колосе перед жатвой.

— Значит, — сказал Пиноккио, пораженный этим рассказом, — если я закопаю там мои пять монет, то сколько же я найду денег на следующее утро?

— Это очень легко вычислить, — ответила лиса, — можешь сосчитать по пальцам. Предположим, что каждая из твоих монет принесёт тебе пятьсот; умножь пятьсот на пять и ты найдёшь на следующее утро две тысячи пятьсот блестящих золотых монет.

— Ах, как это чудесно! — воскликнул Пиноккио, прыгая от радости. — Как только я соберу эти деньги, я оставлю себе две тысячи, а пятьсот отдам вам в подарок.

— Нам в подарок? — спросила лиса обиженно. — Сохрани бог!

— Сохрани бог, — повторил кот.

— Мы, — продолжала лиса, — работаем не ради своей выгоды, а только для того, чтобы обогатить других.

— Других! — повторил кот.

«Какие они славные!» — подумал Пиноккио. И, позабыв отца, куртку, азбуку и все свои благие намерения, он сказал:

— Я пойду с вами!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Гостиница «Красный рак»

Шли, шли они и, наконец, к вечеру, чуть не падая от усталости, пришли к гостинице «Красный рак».

– Остановимся здесь, – сказала лиса, – надо передохнуть, да и закусить. В полночь пойдем дальше, чтобы завтра чуть свет прийти на поле чудес.

Войдя в гостиницу, они уселись за стол, но ни у кого из них не было аппетита. Бедный кот, страдая желудком, не мог съесть ничего, кроме тридцати пяти рыб под соусом из красных баклажанов и четырёх порций рубца по-пармезански; а так как рыба оказалась приготовлена не по его вкусу, то он потребовал ещё масла и тёртого сыру.

Лиса тоже с удовольствием полакомилась бы, но доктор предписал ей диету, и она долж-

на была удовлетвориться зайцем, пулялками и каплунами. После этого она приказала подать себе рябчиков, куропаток, лягушек в соусе, ящериц и райского винограду, а больше уже ничего съесть не могла. По её словам, ей так опротивела еда, что она даже не могла смотреть на кушанья.

Меньше всех ел Пиноккио. Он попросил порцию орехов и хлеба, да и то оставил на тарелке. Бедный мальчик мог думать только о чу-

десном поле с золотыми монетами и совсем потерял аппетит.

Когда они поужинали, лиса сказала хозяину гостиницы:

— Дайте нам две хорошие комнаты: одну для господина Пиноккио и другую для нас двоих. Надо нам немножко всхрапнуть. Только не забудьте разбудить нас в полночь: нам нужно продолжать путь.

— Слушаю-с, — ответил хозяин и подмигнул одним глазом лисе и коту, как бы говоря им: «Понимаем, в этих делах я собаку съел!»

Как только Пиноккио лёг в постель, он сразу заснул. И ему снилось, что он посреди поля, и на этом поле растут деревья; а на деревьях гроздьями висят золотые монеты, которые покачиваются от ветра и позвякивают: «дзинь, дзинь, дзинь», как будто хотят сказать: «Кто нас хочет, пусть придет за нами». Но в тот самый миг, когда Пиноккио уже хотел протянуть руку, чтобы набить этими монетами карманы, его разбудили три звонких удара в дверь.

Это был хозяин, пришедший сказать ему, что пробило полночь.

— А мои товарищи готовы? — спросил мальчик.

– Даже слишком готовы: они ушли уже часа два тому назад!

– Куда же они так торопились?

– Кот получил известие, что его старший котёнок отморозил себе лапы и очень плохо себя чувствует.

– А за ужин они заплатили?

– Ну, вот еще! Они слишком хорошо воспитаны и не могли обидеть вас уплатой за угощение.

– Очень жаль, эта обида доставила бы мне большое удовольствие! – сказал Пиноккио, почёсывая затылок.

Потом он спросил:

– А они не сказали, где мне их ждать?

– На поле чудес, завтра утром, на рассвете.

Пиноккио заплатил за ужин сколько следовало, всего одну золотую монету, и пустился в путь. Но шёл он почти на ощупь, потому что ночь была совсем тёмная. Кругом не слышно было ни звука, даже не раздавался шелест листьев. Только ночные птицы, перелетая через дорогу, задевали Пиноккио крыльями по носу, и он каждый раз отпрыгивал в сторону от страха и кричал: «Кто там?» А эхо повторяло где-то вдалеке: «Кто там? Кто там?» Однако вскоре он заметил на старом пне какое-то существо, мерцавшее бледным светом, как фитиль в фарфоровой лампадке.

– Кто ты? – спросил Пиноккио.

– Я тень Сверчка-говоруна, – ответило существо слабым голосом, будто исходящим с того света.

– Что тебе от меня надо? – продолжал расспросы Пиноккио.

– Я хочу дать тебе добрый совет. Вернись назад и отдай оставшиеся четыре монеты твоему бедному отцу: он в отчаянии, что тебя нет.

— Завтра мой папа станет настоящим богачом, потому что эти четыре монеты превратятся в две тысячи монет.

— Не верь, дитя моё, тем, кто обещает сделать тебя богатым в одну ночь. Эти люди или сумасшедшие, или обманщики! Послушайся меня, вернись домой.

— А я, наоборот, хочу идти вперёд.

— Теперь уже поздно!

— Я хочу идти вперёд.

— Ночь темна...

— Хочу идти вперёд!

— Путь опасен...

— Хочу идти вперёд!

— Помни, что дети, желающие делать по-своему, рано или поздно раскаиваются.

— Это только так говорят. Спокойной ночи, Сверчок!

— Доброй ночи, Пиноккио, да сохранит тебя бог от росы и разбойников.

Сказав это, Сверчок-говорун моментально потух, как потухает свеча, если дунуть на нее, и дорога стала ещё темнее прежнего.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

*Пиноккио, не послушав добрых советов
Сверчка-говоруна, встречает разбойников*

- Да, правда, – говорил себе Пиноккио, продолжая свой путь, – как несчастны мы, бедные дети! Все бранят нас, читают нравоучения, дают советы. Дать им только волю, все вообразили бы себя нашими отцами, нашими учителями; все, даже Сверчки-говоруны. Подумать только: раз я не хотел послушать этого недоверчивого Сверчка, то меня, по его мнению, ожидают бог весть какие несчастья! Я даже должен встретить разбойников! Хорошо, что я не верю в разбойников и никогда не верил. По-моему, разбойников нарочно выдумали родители, чтобы запугивать детей, если те вздумают прогуляться ночью. А даже если бы я и встретил их по дороге, разве я испугался бы их? Ничуть, я им прямо в лицо закричу: «Госпо-

да разбойники, что вам от меня надо? Учтите, со мной шутки плохи! Ступайте-ка своей дорогой и... тсс!» Представляю, как удерут эти бедные разбойники после такого окрика! А если бы они оказались такими негодьями, что не захотели бы убежать, то... убежал бы я. Тем дело и кончилось бы...

Внезапно Пиноккио прервал свои рассуждения: ему показалось, что он слышит за собой легкий шелест листвы. Он обернулся и увидел в темноте две чёрные фигуры, приближающиеся к нему то прыжками, то на цыпочках, словно две тени. На них были надеты угольные мешки, и сквозь отверстия в этих мешках виднелись только их глаза.

«Надо же, это и в самом деле разбойники!» — подумал он и, не зная, куда припрятать свои четыре монеты, положил их в рот под язык.

Затем он попытался бежать. Но не успел он сделать

и шага, как почувствовал, что его хватают за руки, и в то же время услышал два страшных голоса, прорывавших:

– Кошелёк или жизнь!

Пиноккио ничего не мог ответить: ему мешали монеты, спрятанные у него во рту. Поэтому он жестами попробовал объяснить злодеям, что он просто бедная деревянная кукла и что у него нет даже ломаного гроша.

– Нечего увиливать, давай деньги! – грозно закричали разбойники.

Пиноккио сделал руками и головой знак, что у него ничего нет.

– Вытаскивай деньги, а не то мы тебя убьём! – сказал тот разбойник, который был повыше ростом.

– Убьём! – повторил другой.

– А после тебя убьём и твоего отца.

– И твоего отца!

– О, нет, нет, только не трогайте моего папу! – закричал Пиноккио в отчаянии.

Но как только он заговорил, монеты зазвенели у него во рту.

– А, плут! Так ты запрятал деньги под язык? Выплюнь их сейчас же!

Но Пиноккио не сдавался.

— А, ты корчишь из себя глухого? Постой, постой, мы тебя заставим выплюнуть деньги!

Тут один из разбойников схватил Пиноккио за нос, а другой за подбородок, и они принялись теревить его, чтобы заставить открыть рот; но это им не удалось. Деревянные челюсти Пиноккио не разжимались.

Тогда тот из разбойников, кто был поменьше, вынул нож и попытался просунуть его в рот Пиноккио, но тот с быстротой молнии ухватил руку разбойника зубами и перекусил её. Но каково было удивление Пиноккио, когда он заметил, что это была не человеческая рука, а кошачья лапа!

Расхрабрившись от этой первой победы, Пиноккио вырвался-таки из когтей разбойников и, перескочив через плетень, тянувшийся вдоль дороги, пустился бежать по полю. Разбойники мчались за ним, как две собаки за зайцем. Тот, который потерял одну лапу, бежал так, будто был цел и невредим, и как ему это удалось — неизвестно. Пробежав вёрст пятнадцать, Пиноккио выбился из сил; тогда он вскарабкался на высокую сосну и уселся среди вет-

вей. Разбойники попробовали взобраться на дерево следом за ним, но, вскарабкавшись до середины ствола, не удержались и свалились на землю, ободрав руки и ноги.

Но сдаваться они не собирались. Натаскав сухих веток, они сложили их вокруг ствола и... подожгли дерево. Сосна мгновенно вспыхнула, загудело пламя.

Пиноккио, увидев, что огонь поднимается всё выше и выше, и вовсе не желая зажариться, сделал отчаянный прыжок с самой верхушки дерева и со всех ног бросился по полям и виноградникам. А разбойники опять кинулись за ним, и не стоило, пожалуй, надеяться, что это преследование им наскучит. Начинало светать, а погоня всё продолжалась.

Вдруг на пути Пиноккио возникла преграда: широкая и глубокая канава, наполненная грязной водой.

Что делать?

— Раз, два, три! — крикнул Пиноккио и прыгнул с разбегу так ловко и удачно, что очутился на другой стороне канавы.

Прыгнули и разбойники, но плохо рассчитали силы; послышалось громкое «плюх» — и

оба бултыхнулись в самую середину канавы. Пиноккио, услышав плеск от их падения и бульканье воды, со смехом крикнул на бегу:

— Желаю вам приятно выкупаться, господа разбойники!

Он думал, что они утонут, но, обернувшись, увидел обоих разбойников, по-прежнему бежавших следом за ним, в своих чёрных мешках, с которых ручьями стекала вода.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

*Разбойники догоняют Пиноккио и, поймав его,
вешают на ветке большого дуба*

Наш герой совсем упал духом; он уже готов был рухнуть на землю и признать себя побежденным, но, к счастью, озираясь, он заметил вдали белый, как снег, домик.

«Если у меня хватит сил добежать до этого домика, может быть, там я спасусь!» — подумал Пиноккио.

И, не останавливаясь ни на мгновение, он бегом бросился в лес. А разбойники всё не отставали!

После двух часов отчаянного бега он наконец в полном изнеможении добрался до домика и постучал в дверь.

Никто не откликнулся.

Он постучал сильнее, а между тем сзади уже

слышались приближающиеся шаги и тяжёлое дыхание его преследователей.

Из домика по-прежнему не доносилось ни звука.

Тогда Пиноккио в отчаянии принялся изо всей силы колотить в дверь ногами.

У окна показалась прелестная девушка с синими волосами и с белым, как у восковой куклы, лицом; глаза её были закрыты, а руки сложены крестом на груди; не двигая губами, она произнесла странным, тихим голосом:

— В этом доме никого нет: все умерли.

— Тогда хоть тыпусти меня! — закричал Пиноккио умоляющим голосом.

— Я ведь тоже умерла.

— Умерла? Зачем же ты стоишь у окна?

— Я жду, когда мне принесут гроб.

Сказав это, девушка исчезла, и окно бесшумно затворилось.

— О, прелестная девушка с синими волосами, — кричал Пиноккио, — открой мне дверь, умоляю тебя! Сжался над бедным мальчиком, преследуемым разбой...

Он внезапно умолк, потому что почувствовал, как его схватили за горло. Знакомые голоса грозно закричали:

– Теперь ты от нас не убежишь!

Решив, что ему настал конец, Пиноккио задрожал так, что все его деревянные суставы застучали, а вместе с ними зазвенели и четыре золотые монеты во рту.

– Ну, – спросили его разбойники, – теперь ты откроешь рот? Да или нет? А, ты не отвечаешь! Погоди же, мы заставим тебя открыть его!..

И выхватив из карманов два длинных, острых, как бритва, ножа, – «вжик и вжик!..» – они ударили ими в бока деревянной куклы.

Но, к счастью, наш герой был сделан из такого крепкого дерева, что ножи сломались, разлетелись вдребезги, не причинив ему никакого вреда.

У разбойников в руках остались одни только рукоятки ножей.

– Знаю, – сказал тогда один из них после минутного замешательства. – Знаю, что с ним надо делать. Повесим его!

– Повесим, – повторил другой.

Сказано – сделано. Пиноккио скрутили руки за спину и, накинув петлю на шею, повесили на ветке большого дуба. Затем, обратившись к нему, разбойники насмешливо сказали:

— Повиси тут до утра. Завтра мы придём, и тогда, надеемся, ты будешь уже мёртв и откроешь рот.

С этими словами они ушли.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*Прелестная девушка с синими волосами
приказывает снять Пиноккио, укладывает
его в постель и зовёт трёх докторов,
чтобы узнать, умер он или жив*

ока бедный Пиноккио, повешенный разбойниками на ветке большого дуба, больше походил на мёртвого, чем на живого, прелестная девушка с синими волосами вновь показалась у окна и, сжавившись над несчастной куклой, качавшейся на дереве, три раза ударила в ладоши. Тотчас послышался сильный шум крыльев, и на подоконник опустился большой сокол.

— Что прикажете, прелестная фея? — промолвил сокол, опустив клюв в знак почтения и приветствия (нужно сказать, что девушка с синими волосами была не кто иная, как добрая фея, которая жила в этом лесу больше тысячи лет).

— Ты видишь этого
деревянного шута, по-
вешенного на ветке
большого дуба?

— Вижу.

— Так лети сейчас же к
дубу, разорви клювом
верёвку у его горла и осто-
рожно положи несчастно-
го у подножия дуба.

Сокол улетел. Через две минуты он вернул-
ся и доложил:

— Ваше приказание исполнено.

— Скажи, он жив или уже мёртв?

— На вид он как будто умер, но, должно
быть, не совсем: как только я освободил его из
петли, он вздохнул и проговорил вполголоса:
«Теперь я чувствую себя лучше!»

Фея хлопнула опять в ладоши, но только два
раза, и на этот зов появился великолепный пу-

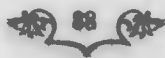
дель, шедший на задних лапах, совсем как человек на ногах.

Пудель был одет в кучерскую ливрею. На нем была шляпа с золотым позументом, белокурый парик с локонами, падавшими на плечи, шоколадного цвета сюртук с бриллиантовыми пуговицами и с двумя карманами, куда он мог класть кости, полученные с обеденного стола, бархатные панталоны, шёлковые чулки, башмаки, а позади у него болталось что-то вроде чехла для зонтика: в этот чехол пудель прятал свой хвост, когда шёл дождь.

— Медор! — обратилась фея к пуделю. — Немедленно запряги мой лучший экипаж и поезжай в лес. Когда приедешь к большому дубу, увидишь на траве бедного полумёртвого мальчика. Осторожно подними его, уложи на подушки в карету и привези сюда. Ты понял?

Пудель вместо ответа утвердительно махнул несколько раз чехлом для хвоста и стрелой понёсся исполнять приказание своей госпожи.

Вскоре из конюшни выехала прекрасная карета воздушного цвета, обитая внутри канареечными перьями. В карету были впряжены сто пар белых мышей, и пудель, хлопая бичом

направо и налево, ловко правил ими, как настоящий кучер.

Не прошло и четверти часа, как карета вернулась. Фея, ожидавшая её у дверей дома, взяла на руки нашего бедного героя и перенесла его в комнату с перламутровыми стенами. Она тотчас послала за лучшими докторами в округе. И доктора немедленно приехали: это были ворон, филин и Сверчок-говорун.

— Скажите мне, господа, — произнесла фея, обращаясь к трем докторам, стоявшим у постели Пиноккио, — жив ли этот бедный мальчик или он умер?

Ворон вышел вперёд, пощупал у Пиноккио пульс, потрогал его нос и мизинец ноги и отвечал торжественно:

— По моему мнению, больной умер; но если бы, к несчастью, он не умер, то это было бы доказательством того, что он всё-таки жив.

— А по-моему, — сказал филин, — этот больной всё-таки жив; но если бы, к несчастью, он не был жив, то это значило бы, что он действительно умер.

— А вы, доктор, ничего не скажете? — обратилась фея к Сверчку-говоруны.

– Я скажу, что этот больной, – ответил Сверчок-говорун, – порядочный негодяй...

Пиноккио, до этого момента лежавший совершенно неподвижно, как кусок дерева, при этих словах Сверчка-говоруна слегка пошевелился в кровати.

– Это своевольный мальчишка, бродяга... Таким поведением он сведёт в могилу своего бедного отца.

При этих словах из-под простыни послышался плач. Представьте удивление всех присутствующих, когда, подняв простыню, они увидели, что это плакал Пиноккио.

– Когда покойник плачет, это значит, что он начинает выздоравливать, – торжественно изрёк ворон.

– Очень сожалею, что приходится противоречить моему другу, – заметил филин, – но, по моему мнению, когда покойник плачет, это значит, что ему не особенно нравится умирать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пиноккио ест сахар, но не хочет принимать лекарство, однако, когда за ним приходят могильщики, всё же соглашается его выпить.

Потом Пиноккио ложет, и за это его нос вырастает до чудовищных размеров

Как только доктора ушли, фея подошла к Пиноккио, дотронулась рукой до его лба и обнаружила, что у него сильнейшая лихорадка. Тогда она растворила в воде белый порошок и, поднеся стакан с лекарством больному, нежно сказала ему:

— Выпей это лекарство, и через несколько дней ты будешь здоров.

Пиноккио посмотрел на стакан, повернулся и спросил жалобным голосом:

— А оно сладкое или горькое?

— Оно горькое, но зато принесёт тебе пользу.

- Если оно горькое, я его не буду пить.
- Послушайся меня, выпей.
- Нет, горького не буду...
- Выпей: когда выпьешь, я тебе дам заесть кусочек сахару.
- А где он?
- Вот он, – сказала фея, вынув из золотой сахарницы кусочек сахару.
- Сначала дай мне сахар, а потом я выпью эту горькую гадость...
- Ты мне это обещаешь?
- Да...

Фея дала ему сахар, и Пиноккио, разжевав и моментально проглотив его, сказал, облизывая губы:

- Вот бы лекарство было такое же сладкое, как сахар!.. Я его принимал бы каждый день.
- Теперь исполни своё обещание и прими это лекарство, чтобы выздороветь.

Пиноккио нехотя взял стакан в руки, сунул в него кончик носа, потом поднёс стакан ко рту, потом опять ткнулся в него носом и наконец сказал:

- Нет, оно слишком горькое! Я не могу его пить.

– Откуда ты можешь это знать, если ещё не попробовал лекарства?

– А я представляю, какое оно горькое! Я это чувствую по запаху. Дайте мне ещё кусочек сахара... Тогда уж выпью!

Фея терпеливо, как добрая мать, положила ему в рот ещё кусочек сахара, а затем опять подала стакан.

– Так я не могу его выпить! – захныкал Пиноккио, скривившись.

– Почему же?

– Мне мешает эта подушка в ногах.

Фея убрала подушку с его ног.

– Нет! Я и так не могу пить.

– Что же тебя ещё беспокоит?

– Закройте хорошенько дверь.

Фея встала и закрыла дверь.

– И вообще, – закричал Пиноккио, заливаясь слезами, – я не хочу пить эту горькую воду, не хочу, не хочу, нет, нет!..

– Дитя моё, тебе же будет хуже...

– Мне всё равно!

– Лихорадка в несколько часов унесёт тебя на тот свет...

– Мне всё равно!

– Так ты не боишься смерти?

– Нисколько не боюсь! Лучше умереть, чем пить противное лекарство.

Тут дверь открылась, и в комнату вошли четыре кролика, чёрных, как чернила; они несли на плечах гробик.

– Что вам от меня нужно? – в испуге закричал Пиноккио, садясь на кровати.

– Мы пришли за тобой, – ответил старший из кроликов.

– За мной? Но ведь я ещё не умер!..

– Пока ещё нет, но через несколько минут ты должен умереть, потому что отказываешься принять лекарство от лихорадки!

– О, фея, милая фея! – закричал мальчик. – Дайте мне скорее этот стакан... Только скорее, ради бога: я не хочу умирать, нет... я не хочу умирать.

Он схватил стакан обеими руками и сразу выпил всё лекарство.

– Делать нечего! – сказали кролики. – На этот раз мы напрасно приходили.

И, опять взвалив на плечи гробик, они вышли из комнаты, бормоча что-то сквозь зубы.

Через несколько минут Пиноккио вскочил с постели совершенно здоровым. Деревянные куклы заболевают редко, а если это всё же случается, то они быстро выздоравливают.

Фея, видя, как он бежит и прыгает по комнате, живой и весёлый, как петушок ранним утром, сказала ему:

– Значит, моё лекарство помогло тебе?

– Ещё бы! Оно меня возвратило к жизни!

— Так почему же ты так долго не хотел его пить?

— Потому что мы, дети, все такие! Мы больше боимся лекарств, чем болезни.

— Стыдно! Дети должны бы знать, что хорошее лекарство, принятое вовремя, может их спасти от тяжёлой болезни и даже от смерти...

— Ну уж в другой раз меня не придётся упрашивать. Я буду помнить чёрных кроликов с гробиком на плечах... тогда я сразу возьму стакан и... бух — проглочу лекарство.

— Теперь подойди ко мне и расскажи, как же ты попал в руки разбойников.

— А вот как: хозяин театра кукол, Манджафоко, дал мне пять золотых монет и сказал: «Отдай их твоему отцу!» Я пошёл домой и встретил на дороге лису и кота — двух очень порядочных господ, которые сказали мне: «Хочешь, чтобы эти монеты превратились в тысячу и даже в две тысячи монет? Иди с нами, и мы поведём тебя на поле чудес». Я согласился, и мы пошли. А потом они мне сказали: «Остановимся в гостинице «Красный рак», а в полночь пойдём дальше». Когда я проснулся, их уж не было, они ушли. Тогда я отправился в путь

один — ночью, в кромешной темноте — и встретил по дороге двух разбойников, одетых в мешки из-под угля. Разбойники сказали мне: «Давай деньги», — а я спрятал деньги в рот и говорю им: «У меня их нет». — Тогда один разбойник попробовал разжать мне рот, но я перекусил его руку, то есть не руку, а кошачью лапу. Тогда разбойники погнались за мной, а я побежал от них, но они меня догнали, повесили за горло на дерево и сказали: «Завтра мы вернемся, когда ты умрёшь и откроешь рот, а мы возьмём твои деньги, которые ты спрятал себе под язык».

— А где теперь эти монеты? — спросила фея.

— Я их потерял, — ответил Пиноккио.

Но он солгал: он спрятал деньги в карман.

Как только он произнёс эти слова, его нос, и без того длинный, сразу вырос пальца на два.

— Где же ты их потерял?

— Тут, в лесу.

После этой второй лжи его нос вырос ещё больше.

— Если ты их потерял в лесу, — сказала фея, — то мы их поищем и найдем, потому что в этом лесу ничего нельзя потерять.

– Ах, нет, теперь я вспомнил! – воскликнул Пиноккио, совсем запутавшись в собственном вранье. – Я не терял монет, а случайно проглотил их, когда принимал ваше лекарство.

Едва он выговорил эту третью ложь, как его нос стал таким длинным, что бедный Пиноккио не мог повернуться ни в какую сторону: повернётся направо – нос зацепится за кровать или за раму окна; повернётся налево – сам ударится об дверь или об стену; он попробовал поднять голову и чуть не попал носом прямо в глаз фее.

А фея смотрела на него и смеялась.

– Над чем вы смеётесь? – в смятении спросил Пиноккио, напуганный тем, что его нос всё ещё продолжал расти.

– Смеюсь над тем, какой ты лгун.

– А откуда вы знаете, что я солгал?

– Ложь, дитя моё, никак не скроешь. Ложь быва-

ет двух видов: у одной лжи короткие ноги, у другой длинный нос, твоя ложь — как раз такая.

Не зная, куда ему спрятаться от стыда, Пиноккио попробовал убежать из комнаты, но это ему не удалось. Его нос стал таким длинным, что не проходил в дверь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

*Пиноккио встречается лису и кота
и отправляется с ними на поле чудес,
чтобы посадить свои четыре монеты*

Целых полчаса фея не обращала внимания на крики и плач Пиноккио, который никак не мог протолкнуть свой нос в дверь. Она сделала это, чтобы наказать его за ложь, так как ложь – самый плохой порок. Но когда фея увидела, что Пиноккио сам не свой, как глаза его от страха и отчаяния чуть не выскочили на лоб, она сжалилась над ним, хлопнула в ладоши – и в комнату сразу влетела через окно целая стая дятлов. Птицы уселись на носу Пиноккио и стали так усердно долбить по нему, что не прошло и минуты, как он стал своего обычного размера.

– Как вы добры, милая фея, – сказал мальчик, утирая слёзы, – как я вам благодарен и как я вас люблю!

– И я тебя люблю, – ответила фея, – и если ты хочешь остаться со мной, то будешь моим братиком, а я буду твоей доброй сестрицей...

– Я охотно остался бы у вас, но как же мой бедный папа?

– Я подумала обо всём. Твой отец уже всё знает и сегодня же будет здесь.

– Правда? – вскрикнул Пиноккио, прыгая от радости. – Пожалуйста, милая моя фея, позвольте мне пойти к нему навстречу. Я хочу поскорее обнять этого бедного старика, который столько выстрадал из-за меня!

– Ступай, только смотри не заблудись. Иди, не сворачивая, по дороге через лес, и ты его обязательно встретишь.

Пиноккио ушёл.

Войдя в лес, он пустился бегом, припрыгивая на ходу. Вот и большой дуб, на котором он висел. Вдруг он остановился, услышав какой-то шорох в кустах поблизости. Через минуту на дороге показались... угадайте, кто?.. Лиса и кот, те самые, с которыми он ужинал в гостинице.

– А, вот и наш дорогой Пиноккио! – воскликнула лиса, обнимая и целуя его. – Как это ты попал сюда?

— Как это ты попал сюда? — повторил кот.

— Этого в двух словах не расскажешь, — ответил мальчик, — когда-нибудь в свободное время я вам всё объясню. А теперь скажу только, что в ту ночь, когда вы меня оставили одного в гостинице, я встретил на дороге разбойников...

— Разбойников?.. О, бедное дитя! Чего же они от тебя хотели?

— Они хотели украсть у меня монеты!

— Негодяи!.. — сказала лиса.

— Негодяи!.. — повторил кот.

— Но я убежал, — продолжал Пиноккио, — а они пустились за мной, догнали меня и повесили на ветке вот этого дуба...

— Ах, какой ужас! — сказала лиса. — Что за народ кругом. Для нас, честных созданий, скоро не будет места на земле.

Во время этого разговора Пиноккио заметил, что кот хромает на правую переднюю лапу, на которой не хватало пальцев и когтей. Пиноккио спросил:

— Что случилось с твоей лапой?

Кот хотел что-то ответить, но замялся. За него ответила лиса:

— Скромность не позволяет моему приятелю хвастаться. Час тому назад мы встретили на дороге старого волка, который умирал от голода и просил милостыню. Не имея с собой ничего, даже рыбьего хрящика, мой друг, у которого сердце из чистого золота, оттрыз себе переднюю лапу и бросил её бедному животному, чтобы оно хоть немножко утолило свой голод.

Закончив свой трогательный рассказ, лиса даже утёрла слезу, скатившуюся у неё из глаз.

Пиноккио, взволнованный этой историей, подошёл к коту и сказал ему на ухо:

– Если бы все коты были такими, как были бы счастливы мыши!

– А что ты тут делаешь? – спросила мальчишка лиса.

– Жду папу, который должен прийти сюда с минуты на минуту.

– А твои золотые монеты целы?

– Все лежат в кармане, кроме той, которую я потратил в гостинице «Красный рак».

– Подумай только, что вместо четырёх монет завтра у тебя может быть тысяча и даже две тысячи! Почему ты не слушаешь моего совета и не посеешь их на поле чудес?

– Сегодня никак не получится, я пойду туда в другой раз.

– В другой раз будет поздно!

– Почему?

– Потому что это поле купил один богач, и с завтрашнего дня посторонним будет запрещено сеять на нем деньги.

– А далеко отсюда поле чудес?

– Не больше двух вёрст. Хочешь пойти с нами? Через полчаса ты уже будешь там: посеешь свои четыре монеты, и через несколько минут ты соберёшь их две тысячи. Вечером вернешь-

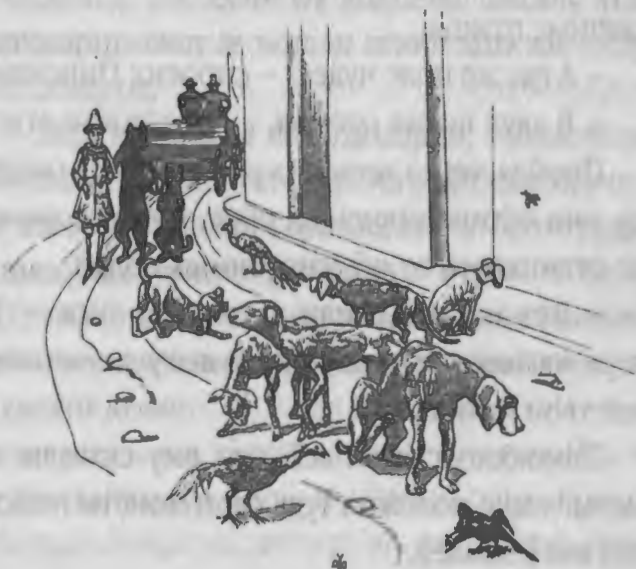
ся домой с набитыми карманами. Ну что, пойдём?

Пиноккио колебался. Он вспомнил добрую фею, старика Джепетто и совет Сверчка-говоруна. Но в конце концов он поступил так, как поступают все дети, у которых нет ни сердца, ни рассудка. Он кивнул головой и сказал лисе и коту:

— Пойдем, я иду с вами.

И они втроём отправились в путь.

К середине дня они дошли до страны Ловидуралеи. Улицы здесь были переполнены го-

лодными облезлыми собаками, наголо остриженными овцами, дрожавшими от холода; куры, ощипанные и без гребешков, просили милостыню в виде кукурузных зёрен; большие бабочки не могли летать, потому что они продали свои раскрашенные крылья; павлины без хвостов и фазаны, у которых были выщипаны их красивые золотые перья, прятались по углам, стыдясь своего безобразия.

Среди этой толпы нищих и жалких существ время от времени проезжали экипажи, в которых сидели лисы, сороки или какие-нибудь хищные птицы.

— А где же поле чудес? — спросил Пиноккио.

— В двух шагах отсюда, — последовал ответ.

Пройдя через весь город и выйдя за околицу, они остановились на поле, которое ничем не отличалось от обыкновенных полей.

— Вот мы и пришли, — сказала лиса. — Теперь нагнись, вырой руками ямку и положи в неё твои монеты.

Пиноккио сделал всё, что ему сказали: он вырыл ямку, положил туда свои монеты и засыпал ямку землёй.

– Теперь, – сказала лиса, – пойдй к канаве, тут поблизости, зачерпни ведро воды и хорошенько полей засеянное место.

Пиноккио сделал и это: он отправился к канаве, за неимением ведра зачерпнул воду своим деревянным башмаком, полил засыпанную ямку и спросил:

– А теперь что нужно сделать?

– Больше ничего, – ответила лиса. – Теперь мы можем уйти. А ты вернись минут через двадцать, и увидишь деревце, ветки которого будут покрыты золотыми монетами.

Бедняга, вне себя от радости, тысячу раз благодарил лису и кота и пообещал им щедрый подарок.

– Нам не нужны твои подарки, – ответили негодяи. – Нам достаточно того, что мы научили тебя, как можно разбогатеть без труда. Больше нам ничего не нужно.

С этими словами они поклонились Пиноккио и, пожелав ему счастливого урожая, ушли по своим делам.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

*У Пиноккио крадут четыре золотые монеты,
и в наказание за это он просиживает четыре
месяца в тюрьме*

Пиноккио вернулся в город и начал считать минуты одну за другой; когда ему показалось, что уже пора идти за монетами, он отправился на поле чудес. Идя быстрым шагом, он чувствовал, как билось его сердце: «тик-так, тик-так», совсем как часы. Он говорил сам с собой:

— Что, если и в самом деле я найду не тысячу, а две тысячи монет?.. А если вместо двух тысяч найду целых пять?.. Или не пять, а сто? Каким я стану важным господином!.. У меня будет прекрасный дворец, тысяча деревянных лошадей, тысяча конюшен, целый погреб напитков, и шкафы с пирожными, конфетами, тортами, сдобными хлебами, марципаном и бисквитами со сливками.

Предаваясь таким мечтаниям, он дошёл до поля и остановился, озираясь в поисках дерева с растущими на нем монетами, но ничего не увидел. Он прошёл ещё шагов сто – ничего; подошёл к тому самому месту, где он закопал свои деньги, но так ничего и не нашёл. Тогда Пиноккио призадумался и, забыв все правила приличия, вынул руку из кармана и принялся чесать себе затылок. Вдруг он услышал смех и, подняв голову, увидел на дереве большого попугая, который чистил лапкой несколько оставшихся у него перьев.

– Что ты смеешься? – спросил Пиноккио у попугая.

– Смеюсь, потому что мне смешно глядеть на тебя...

Пиноккио ничего не сказал. Он снова пошёл к канаве за водой и ещё раз полил землю, где были зарыты его монеты. Внезапно опять раздался смех, на этот раз ещё более резкий.

– Послушай, невоспитанный попугай, – закричал в сердцах Пиноккио, – над кем это ты так смеёшься?

– Я смеюсь над теми глупцами, которые верят всяким небылицам и позволяют себя дурачить.

— Ты, случайно, не обо мне говоришь?

— Да, я говорю о тебе, бедный Пиноккио, — о тебе: ты так прост и поверил басне, что деньги можно сеять и собирать в поле, как сеют и собирают бобы или тыквы. И я когда-то поверил этому, а теперь переношу последствия моей глупости. Слишком поздно я убедился, что для того, чтобы честно нажить хоть немного денег, нужно уметь их заработать или руками, или головой.

— Я тебя не понимаю, — пробормотал мальчик, начиная дрожать от страха.

— Сейчас я объясню тебе лучше, — ответил попугай. — Знай же, что, пока ты был в городе, лиса и кот вернулись сюда, взяли закопанные тобой монеты и убежали со всех ног. Ищи их теперь свищи!

Пиноккио разинул рот, но всё-таки, не желая верить словам попугая, стал рыть землю руками. Он рыл, рыл и рыл, пока не вырыл такую яму, в которую мог поместиться стог соломы, но монет всё-таки не нашёл.

Тогда, в полном отчаянии, он побежал обратно в город и отправился прямо к судье, чтобы подать жалобу на двух мошенников, которые его обокрали.

Судьей в этом городе была горилла: старая, почтенная обезьяна, с большой седой бородой, в золотых очках без стёкол, которые она уже несколько лет носила из-за воспаления глаз.

Пиноккио рассказал судье всё по порядку: как его обманули и обокрали; он назвал имена и приметы воров и просил наказать виновных.

Судья выслушал его очень благосклонно, с живым участием, и даже казался растроганным. Когда мальчик кончил свой рассказ, судья протянул руку и, взяв колокольчик, позвонил.

На этот зов тотчас явились две собаки, одетые в форму полицейских.

Судья, указывая на Пиноккио, сказал им:

— Этот бедняга был обокраден: у него взяли четыре золотые монеты; арестуйте его и отвезите в тюрьму.

Наш герой, услышав такое решение судьи, не мог прийти в себя от удивления и хотел бы-

ло возражать, но полицейские, не желая терять время, заткнули ему рот и увели в темницу.

В этой тюрьме Пиноккио просидел четыре месяца, которые показались ему бесконечными; он остался бы там и дольше, если бы не случилось одно событие. Дело в том, что молодой король, правивший в стране Ловидуралее, одержав победу над неприятелем, приказал устроить праздник — иллюминацию, фейерверки, скачки на лошадях и гонки на велосипе-

дах; кроме того, для пущего веселья он приказал открыть все тюрьмы и выпустить на волю всех преступников.

Среди других выпустили и Пиноккио.

В одно прекрасное утро дверь маленькой тюремной камеры, в которой сидел Пиноккио, открылась, и появился тюремщик.

— Господин Пиноккио, — сказал он, — вы свободны, можете уходить куда хотите.

С этими словами тюремщик почтительно снял шапку, открыл ему дверь, поклонился и посторонился, давая ему дорогу.

Пиноккио с важным видом, но торопливым шагом вышел из тюрьмы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Выйдя из тюрьмы, Пиноккио хочет вернуться в дом феи, но по дороге встречается страшную змею, а затем попадает в капкан

Представьте себе радость Пиноккио, когда он очутился на свободе! Он вышел из города и без промедления направился по дороге к дому феи.

Последние дни шли сильные дожди, и дорога превратилась в сплошное болото, так что идти пришлось по колено в грязи. Но наш герой не обращал на это внимания. Горя желанием увидеть своего отца и сестрицу с синими волосами, он мчался вперёд скачками, так, что брызги грязи долетали до шляпы. Он говорил сам с собой:

— Сколько несчастий случилось со мной! И я заслужил всё это своим упрямством... я всё хочу делать по-своему, не слушая тех, кто жела-

ет мне добра и кто гораздо умнее меня!.. Но теперь я изменюсь и стану послушным и рассудительным мальчиком! Я ведь убедился, что непослушные дети всегда попадаютс^я и им никогда ничего даром не проходит. А как долго ждал меня бедный папа! Найду ли я его в доме феи? Давно я не видел его! Мне так хочется обнять его! И простит ли меня фея за то, что я так поступил с ней? Она сделала мне столько добра... подумать только, ведь я жив только благодаря ей! Есть ли на свете более неблагодарный и бессердечный мальчик?..

Вдруг Пиноккио остановился в испуге и отскочил на несколько шагов.

Что же его испугало? Он увидел большую змею, растянувшуюся посреди дороги; чешуя у неё была зелёная, а заострённый хвост дымился, как печная труба.

Трудно представить себе страх, охвативший нашего героя; он отбежал подальше, сел на кучу камней и стал ждать, пока змея уползёт и освободит ему путь.

Он ждал час, два часа, три часа, а змея лежала всё на том же месте; издали видны были её красные, как огонь, глаза и дымившийся хвост.

Наконец Пиноккио набрался храбрости, приблизился к змее на несколько шагов и заискивающим голосом обратился к ней:

– Извините, госпожа змея, но я попросил бы вас отодвинуться немного в сторону, так, чтобы я мог пройти.

С тем же успехом можно было говорить со стеной: змея и не думала двигаться с места.

Пиноккио опять начал тем же вкрадчивым голосом:

– Видите ли, госпожа змея, я иду домой, там меня ждет папочка, которого я уже давно не видел!.. Позвольте же мне продолжать свой путь!

Он умолк, но ответа так и не последовало; напротив, змея застыла в неподвижности, точно окаменела. Глаза её закрылись, и хвост перестал дымить.

– Уж не издохла ли она?.. – пробормотал Пиноккио, потирая руки от радости.

И, не теряя времени, он приготовился перескочить через неё, чтобы перейти на другую сторону дороги. Но не успел он поднять ногу, как змея вдруг взвилась, словно отпущенная пружина, а Пиноккио, бросившись в сторону,

споткнулся и полетел на землю. Да ещё упал так неудачно, что голова его угодила прямо в грязь, а ноги задержались в воздухе.

При виде опрокинувшейся куклы, с невероятной быстротой дрыгающей ногами, змея расхохоталась и смеялась так, что от напряжения у неё лопнула жила, и она тут же издохла.

Довольный таким исходом, Пиноккио опять пустился бегом, чтобы засветло добрать-ся до дома феи. Но по дороге ему страшно за-

хотелось есть, и он заскочил в первый попавшийся виноградник, чтобы подкрепиться хотя бы кисточкой винограда.

Ах, лучше бы он этого не делал!

Едва Пиноккио приблизился к лозам винограда, как вдруг – крак.. и его ноги оказались сжаты острыми железными обручами, да так, что искры посыпались у него из глаз. Бедняга попался в капкан, поставленный крестьянами для куниц, уничтожавших в деревне кур.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*Пиноккио пойман крестьянином,
который заставляет его сторожить курятник
вместо собаки*

Можете представить себе, как стал плакать, кричать и звать на помощь бедный Пиноккио, но всё было напрасно: вокруг не было ни одного дома, а на дороге не появлялся ни один прохожий.

Между тем наступила ночь. Отчасти от боли, причиняемой ему капканом, отчасти от страха мальчик, оказавшийся совсем один в темноте среди поля, совершенно изнемог и уже едва не лишился чувств, как вдруг заметил проползавшего над его головой светлячка. Он тотчас позвал его:

— Милый светлячок, сделай милость, избавь меня от этого мучения.

— Бедное дитя! — откликнулся светлячок, ос-

тановившись и с участием глядя на него. —
И как это ты попал в капкан?

— Я зашёл в виноградник, чтобы сорвать кисточку винограда, и...

— А разве это твой виноград?

— Нет...

— Кто же тебя научил воровать чужое добро?

— Я был голоден...

— Голод, дитя моё, не может служить отговоркой для тех, кто присваивает чужое.

— Правда, правда! — закричал Пиноккио в слезах. — Больше я такого не сделаю.

Тут разговор прервался, так как слышались чьи-то приближающиеся шаги. Это был хозяин виноградника, который тихонько пробирался, чтобы посмотреть, не попала ли в капкан куница, воровавшая его кур.

Каково же было его удивление, когда, выставив из-под плаща фонарь, он увидел, что вместо куницы в капкан попался мальчуган.

— А, воришка! — гневно воскликнул крестьянин. — Так это ты таскаешь моих кур?

— Нет, не я, не я! — вскричал Пиноккио, заливаясь слезами. — Я зашёл в виноградник только для того, чтобы взять кисточку винограда!

– Кто крадет виноград, может красть и кур. Постой, постой, я тебя так проучу, что долго будешь помнить.

И, открыв капкан, крестьянин схватил Пинноккио за шиворот и понес его к себе домой, как носят маленьких ягнят. Дойдя до дому, он бросил его на землю и сказал:

– Теперь уже поздно, я хочу спать. Завтра мы с тобой сочтёмся. А пока, так как сегодня

подохла моя сторожевая собака, ты займешь её место. Будешь моей цепной собакой.

И с этими словами крестьянин надел на шею Пиноккио большой ошейник, покрытый железными шипами, натянул его так, чтобы нельзя было снять его через голову, и присоединил к железной цепи, прикованной к стене.

— Если ночью пойдет дождь, — сказал крестьянин, — ты можешь забраться в этот деревянный домик. Там лежит солома, четыре года служившая постелью моей бедной собаке. А если, на беду, нагрянут воры, то не забудь, что нужно громко залаять.

Затем крестьянин вошёл в свой дом и запер дверь на толстый засов, а бедный Пиноккио остался у сарая, прикованный, полумёртвый от холода, страха и голода. Время от времени он просовывал руки в ошейник, стягивавший ему горло, и твердил, горько всхлипывая:

— Так мне и надо!.. Да, увы, я заслуживаю этого! Я захотел быть своевольным, бродяжничать... я слушал плохих товарищей, за это меня и преследуют несчастья. Если бы я был хорошим мальчиком, если бы я хотел учиться и работать, если бы остался дома с папой, то не сидел бы теперь здесь, в этой деревне, и не исполнял бы обязанности сторожевой собаки в доме крестьянина. О, если бы я мог начать свою жизнь заново. Но теперь уже поздно, надо терпеть...

От пролитых слёз ему стало легче, и тогда он влез в собачью будку и заснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

*Пиноккио выдаёт воров и в награду за это
получает свободу*

Большее двух часов Пиноккио спал сладким сном; вдруг около полуночи он услышал какие-то странные голоса, доносившиеся из сарая. Высунув кончик носа из своей конуры, он увидел четырёх чёрных животных, похожих на кошек. Но это были не кошки, а куницы, хищные зверьки, жадные до яиц и цыплят. Одна из этих куниц, отделившись от товарищей, подошла к отверстию будки и сказала вполголоса:

— Добрый вечер, Мелампо.

— Меня зовут не Мелампо, — ответил мальчик.

— Кто же ты такой?

— Я Пиноккио.

— А что ты тут делаешь?

- Я служу вместо сторожевой собаки.
- Где же Мелампо? Где старая собака, которая была в этой будке?
- Она издохла сегодня утром.
- Издохла? Бедное животное!.. Но ведь и ты, кажется, славная собака?
- Извините, я не собака.
- Так кто же ты?
- Я шут.
- И ты служишь вместо собаки?
- К несчастью, в наказание.
- Что же, я могу предложить тебе сделку на тех же условиях, какие были у нас с Мелампо; ты останешься доволен.

– А что это за условия?

– Мы будем приходить один раз в неделю, как и прежде, навещать ночью в курятник и уносить каждый раз восемь куриц. Из этих восьми куриц семь мы съедим сами, а восьмую отдадим тебе, если, конечно, ты притворишься спящим и не вздумаешь лаять и будить хозяина дома.

– А Мелампо так и делал? – спросил Пиноккио.

– Да, он так и делал, и мы всегда с ним ладили. Так что спи себе спокойно и будь уверен, что, уходя, мы оставим тебе курицу к завтраку. Ты всё понял? Согласен?

– Я всё слишком хорошо понял! – ответил Пиноккио и с серьёзным видом покачал головой, как будто хотел сказать: «Скоро ты меня узнаешь!»

Куницы, успокоенные тем, что и с новым сторожем удалось заключить сделку, отправились в курятник, находившийся недалеко от собачьей будки. Открыв зубами и когтями дверцу курятника, они влезли туда одна за другой. Но едва они вошли туда, как дверка с шумом захлопнулась за ними. Пиноккио не толь-

ко запер курятник, но и привалил к дверке большой камень, чтобы куницы точно не могли выйти.

После этого он стал лаять совсем как сторожевая собака: гав, гав, гав!

Услышав лай, крестьянин вскочил с постели, схватил ружьё и, высунувшись в окошко, спросил:

— Что там такое?

— Воры пойманы! — ответил Пиноккио.

— А где они?

— В курятнике.

— Сейчас я выйду.

Крестьянин тотчас же выбежал во двор, влетел в курятник и, поймав там всех четырёх куниц, положил их в мешок.

— Наконец-то вы попались в мои руки, — воскликнул он. — Я мог бы вас сам наказать, но я не так жесток! Я удовольствуюсь тем, что отнесу вас завтра хозяину гостиницы в соседнюю деревню; он обдерёт вас и приготовит как зайцев. Хотя, по правде говоря, вы и такой чести не заслуживаете!..

Затем, подойдя к Пиноккио, он обнял его и спросил:

— Как же ты сумел разоблачить этих четырёх воришек? Ведь мой верный Мелампо никогда ничего не замечал!..

Тут Пиноккио хотел было рассказать о договоре, заключённом между собакой и куницами, но, вспомнив, что собаки больше нет, подумал: «К чему обвинять издохшее животное? Мёртвые — мертвы, лучше оставить их в покое!..»

— Ты спал, когда куницы пришли, или нет? — продолжал расспросы крестьянин.

— Я спал, — ответил Пиноккио, — но куницы меня разбудили своей болтовнёй; а одна из них подошла ко мне и сказала: «Если ты обещаешь не лаять и не будить хозяина, то мы подарим тебе жирную курицу!» Понимаете? Какая дерзость предлагать мне такое! Хотя я всего лишь деревянная кукла и у меня много недостатков, но помогать вора́м я не стану!

— Молодец! — сказал крестьянин, потрепав его по плечу. — Это делает тебе честь, и в знак благодарности я дарю тебе свободу; можешь идти к себе домой.

И крестьянин, сняв с Пиноккио цепь и ошейник, отпустил его на волю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пиноккио оплакивает смерть девушки с синими волосами, потом встречается голубя, который переносит его на берег моря, где он бросается в воду, чтобы помочь своему отцу Джепетто

Едва Пиноккио почувствовал, что позорный ошейник снят с него, он пустился бежать что есть мочи по полю и остановился только тогда, когда выбежал на прямую дорогу, ведущую к домику феи.

Здесь он обернулся и увидел тот злосчастный лес, в котором встретился с лисой и котом; среди других деревьев он приметил и большой дуб, на котором его повесили; но как он ни старался увидеть домик феи, ему это не удалось: домика не было. Сердце у Пиноккио сжалось в тревожном предчувствии, и он побегал что есть духу к тому месту, где должен был находиться домик. Через несколько минут он

очутился на знакомой полянке, но на том месте, где прежде стоял дом, теперь лежала мраморная плита, а на ней была вырезана печальная надпись:

**«Здесь покойтся девушка с синими волосами,
умершая с горя, потому что её покинул
её братец Пиноккио».**

Что почувствовал Пиноккио, по слогам прочитав эту надпись, предоставляю судить вам. Он упал лицом на землю и, покрывая поцелуями мраморную доску, залился горькими слезами. Плакал он всю ночь и всё следующее утро, хотя слёз у него уже не было; эхо повто-

ряло его крики и жалобы по всем окрестным холмам.

– О фея, моя фея, – говорил он, рыдая, – зачем ты умерла?.. Почему я не умер вместо тебя: ведь ты так добра, а я такой гадкий? А где же мой папа? О, фея моя, скажи, где я могу его найти, чтобы всегда быть с ним и не покидать его никогда! Если ты меня любишь, если ты в самом деле любишь своего братца, то встань, скажи, что ты не умерла! Разве тебе не жалко оставлять меня одиноким, всеми покинутым? Если придут разбойники, то они снова меня повесят... и тогда я умру навсегда. Что я могу поделаться, один-одинёшенек на свете? Теперь, когда я потерял тебя и отца, кто будет меня кормить? Где я буду спать ночью? Кто сделает мне новую куртку? Ох, лучше бы и мне было умереть! Да, я хочу умереть!

Пиноккио готов был от отчаяния рвать на себе волосы; но волосы у него были деревянные, и он даже не мог вцепиться в них руками.

Тем временем прилетел большой голубь, раскинув крылья, он завис в воздухе и закричал с высоты:

– Дитя моё, что ты тут делаешь?

– Разве не видишь? Плачу! – ответил Пиноккио, подняв голову и утирая слёзы рукавом.

– Скажи, – продолжал голубь, – нет ли среди твоих товарищей деревянной куклы по имени Пиноккио?

– Пиноккио?.. Ты говоришь Пиноккио? – переспросил мальчик, вскакивая на ноги. – Пиноккио – это я!..

Услышав это, голубь быстро опустился к нему и сел на землю. Размером он оказался больше индейки.

– Так ты знаешь и Джепетто? – спросил голубь.

– Ещё бы мне его не знать! Ведь это мой отец! Он не говорил тебе что-нибудь про меня? Ты ведь меня поведёшь к нему? Жив ли он? Ответь мне, умоляю тебя!

– Три дня тому назад я его видел на берегу моря.

– Что он там делал?

– Он своими руками строил лодочку, чтобы переплыть океан. Больше четырёх месяцев этот бедный человек странствует, разыскивая тебя. Нигде не найдя твоего следа, он задумал отправиться на поиски в дальние страны Нового Света.

— А как далеко отсюда до берега моря? — спросил взволнованный Пиноккио.

— Больше тысячи вёрст.

— Тысяча вёрст? О, дорогой голубок, если бы у меня были твои крылья!

— Если хочешь, я перенесу тебя туда.

— Как?

— Ты сядешь верхом мне на спину. Ты не очень тяжёлый?

— Я-то? Я легкий, как перышко.

И, не говоря больше ни слова, Пиноккио вскочил на спину голубя, покрепче сжал ногами его бока и весело крикнул:

— Но, но, лошадка, поезжай поскорее, мне надо торопиться!..

Голубь взлетел на воздух и в считанные минуты поднялся так высоко, что почти касался обла-

ков. Очутившись так далеко от земли, наш герой захотел из любопытства посмотреть вниз; но у него сейчас же закружилась голова, и он в страхе ухватился обеими руками за шею своей крылатой лошади.

Так они летели целый день. К вечеру голубь сказал:

– Мне очень хочется пить!

– А я до смерти хочу есть! – прибавил Пиноккио.

– Остановимся у этой голубятни на несколько минут, а затем полетим дальше и завтра чуть свет уже будем на берегу моря.

Они вошли в голубятню, в которой не было никого и ничего, кроме котелка с водой да корзины с горохом.

Пиноккио терпеть не мог гороха, но в этот вечер он буквально объелся им и, насытившись наконец, признался голубю:

– Никогда бы не поверил, что горох такой вкусный!

– Вот видишь, дитя моё, – заметил голубь, – когда голод мучает нас и нечем его утолить, то и горох становится отличным на вкус! Голод неразборчив и некапризен!

После короткого отдыха они опять пустились в дорогу и на следующее утро прилетели на берег моря.

Голубь опустил Пиноккио на землю и, не желая слушать никаких изъявлений благодарности за доброе дело, тотчас взмыл в воздух и исчез.

На берегу толпилось много людей; они кричали и размахивали руками, глядя на море.

— Что там случилось? — спросил Пиноккио у какой-то старушки.

— Да то и случилось, что один бедный отец, потеряв сына, пустился за море на лодочке, чтобы искать его, а море-то сегодня очень бурное, и лодочка легко может потонуть...

— Где же эта лодочка?

— Вот там, — объяснила старушка, указывая пальцем на лодочку, которая казалась не больше ореховой скорлупы.

В лодочке виднелась маленькая человеческая фигура. Пиноккио напряг зрение и, рассмотрев человека в лодке, вдруг неистово закричал:

— Это мой папа! Это мой папа!

Между тем лодочка, подбрасываемая громад-

ными волнами, то исчезала из виду, то вновь появлялась, а Пиноккио, стоя на высокой скале, всё кричал и звал отца по имени, размахивая то руками, то носовым платком, то шляпой.

Кажется, Джепетто, несмотря на дальность расстояния, всё-таки узнал сына; он снял шляпу и поклонился, а потом показал знаками, что и рад бы вернуться, но не может грести из-за сильной бури.

Внезапно огромная волна захлестнула лодку. Все, затаив дыхание, ждали когда же лодка снова покажется на поверхности воды, но надежды оказались напрасными: угловое судёнышко пошло ко дну.

— Бедняга, — сказали рыбаки и, пробормотав молитву, собрались уйти.

Вдруг они услышали отчаянный вопль и, обернувшись, увидели мальчика, который закричал: «Отец, я спасу тебя!» — и бросился с вершины скалы в море.

Пиноккио был сделан из дерева и потому легко держался на воде. Он то исчезал, накрытый волной, то показывался опять, все дальше и дальше от берега. Наконец он скрылся с глаз.

— Бедный мальчик, — сказали рыбаки, собравшиеся на берегу, и, нащёптывая вполголоса молитву, разошлись по своим домам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Пиноккио пристаёт к острову Трудолюбивых

Пчёл и находит там фею

Надеясь вовремя поспеть на помощь своему отцу, Пиноккио без устали плыл целую ночь.

А что это была за ночь! Ливень, град, гром; непрерывно сверкали молнии!

К рассвету мальчик заметил длинную полосу земли. Это был остров среди моря. Пиноккио старался добраться до берега, но все усилия были тщетными. Волны, сталкиваясь друг с другом, подбрасывали его и кружили, как соломинку.

Наконец, на его счастье, одна особенно большая волна выбросила его на берег острова. При этом Пиноккио ударился так сильно, что у него хрустнули все рёбра; однако он не упал духом и проговорил:

– И на этот раз мне повезло!

Погода между тем прояснилась; вновь ослепительно засверкало солнце, и море, успокоившись, стало гладким, как зеркало. Тогда Пиноккио разложил своё платье просушиться на солнце и стал озираться, высматривая на огромном водном пространстве маленькую лодочку с гребцом. Но, как внимательно он ни смотрел, вокруг не было видно ничего – только небо, море и нескольких кораблей, плывших так далеко, что они казались мухами.

– Хоть бы узнать, как называется этот остров! – говорил себе Пиноккио. – Хоть бы убедиться, что здешние жители – люди порядочные, то есть у них нет скверной привычки вешать детей на деревья! Но у кого бы это спросить? Здесь никого не видно.

Мысль, что он совершенно один на пустынном острове, привела его в такое уныние, что он чуть не заплакал.

Вдруг он увидел недалеко от берега большую рыбу, которая плыла спокойно, высунув голову из воды.

Не зная, как зовут эту рыбу, мальчик закричал во весь голос, надеясь, что она его услышит:

– Эй, госпожа рыба, позвольте к вам обратиться!

– Пожалуйста, я всегда к вашим услугам! – ответила рыба.

Это был кит, самое дружелюбное существо из всех, каких только можно встретить во всех морях мира.

– Не подскажете ли вы мне, нет ли на этом острове такого места, где можно поесть, не опасаясь самому быть съеденным?

– Конечно, есть! – ответил кит. – Совсем недалеко отсюда.

– А как мне туда попасть?

– Ступайте по тропинке, ведущей налево, и идите всё прямо и прямо. Заблудиться тут нельзя.

– Скажите ещё одну вещь. Вам ведь приходится плавать по морю днём и ночью, – не встречали ли вы случайно маленькой лодочки с моим отцом?

– А кто твой отец?

– Это самый добрый человек в мире, так же как я самый гадкий сын.

– В такую бурю, какая была в эту ночь, лодочка, конечно, пошла ко дну.

– А папа, мой папа?

– Вероятно, его проглотила акула, ужасная акула, которая приплыла в наши воды несколько дней тому назад; она глотает всех на своем пути.

– Разве эта акула такая большая? – спросил Пиноккио, начиная дрожать от страха.

– Большая ли она!.. – повторил кит. – Сам посуди! Она больше пятиэтажного дома, а пасть у неё такая широкая и глубокая, что целый поезд свободно мог бы въехать в неё.

– Боже праведный! – воскликнул испуганный мальчик.

Торопливо одевшись, Пиноккио опять об-
ратился к киту:

– До свидания, госпожа рыба, извините за беспокойство и примите мою благодарность за вашу любезность.

Сказав это, он повернулся к тропинке и за-
шагал по ней быстрым шагом, порой едва не
переходя на бег. При малейшем шуме он обо-
рачивался назад, боясь, как бы его не настигла
чудовищная акула.

Через полчаса Пиноккио дошёл до местечка,
называвшегося Селением Трудолюбивых Пчёл.
Улицы этого селения кишели народом, и каж-
дый из жителей спешил куда-то по своим делам.
Все тут работали, все были чем-нибудь заняты.
Здесь нельзя было встретить ни одного бездель-
ника, даже если поискать его с фонарём.

– Понятно, – тотчас сказал наш лентяй Пи-
ноккио, – эта страна не для меня! Я не рождён
для работы!

Между тем голод уже мучил его, ведь про-
шли сутки с тех пор, как он ел в последний раз.

Что делать?

Оставалось два выхода: или искать работу,
или просить милостыню – деньгами или хле-

бом. Пиноккио стыдился побираться: отец говорил ему, что только старые и больные могут просить подаяние. На белом свете сочувствия и помощи заслуживают только те, кому старость или болезнь не позволяет зарабатывать хлеб своим трудом. Все остальные люди обязаны работать.

В это время какой-то человек, уставший, весь в поту, с большим трудом катил по дороге две тележки, наполненные углем.

Присмотревшись к угольщику, Пиноккио решил, что он должен быть добрым человеком.

Он подошёл к нему и, опустив глаза от стыда, сказал вполголоса:

– Не будете ли вы добры дать мне монетку на хлеб? Я умираю с голода!

– Я дам тебе целых четыре монеты, – ответил угольщик, – если ты сможешь мне довезти до дому эти тележки с углем.

– Удивляюсь вам! – отозвался Пиноккио, обиженный таким предложением. – Я ведь не осёл, чтобы возить на себе тележки!

– Рад за тебя! – ответил угольщик. – В таком случае, любезный, если ты умираешь с голода, то скушай два кусочка твоей гордости, но смотри не подавись!

Через несколько минут на той же дороге появился каменщик, который нёс на плечах корзину с известью.

– Добрый человек, не дадите ли из милости монетку бедному мальчику, умирающему от голода?

– Охотно. Помоги мне носить известь, – ответил каменщик, – и я тебе дам не одну монетку, а целых пять.

– Но известь тяжёлая, – возразил Пиноккио, – а я не хочу слишком трудиться.

— Если ты не хочешь потрудиться, дитя моё, то развлекайся голодом; будь здоров!

За полчаса по дороге прошло человек двадцать, и у всех Пиноккио просил милостыни, но все ему отвечали:

— И не стыдно ли тебе? Вместо того чтобы лодырничать на дороге, ступай лучше поищи себе работу и поучись зарабатывать на хлеб!

Наконец Пиноккио встретила молодая женщина, которая несла два кувшина с водой.

— Позвольте, добрая женщина, выпить глоточек воды из вашего кувшина, — попросил Пиноккио, томимый жаждой.

— Пей, пей, дитя моё! — отвечала ему женщина.

Когда Пиноккио напился, он пробормотал вполголоса:

— Жажду-то я утолил! Хорошо бы утолить и голод.

Добрая женщина, услышав эти слова, тотчас же сказала:

— Если ты мне поможешь отнести домой один из этих кувшинов, я дам тебе большой кусок хлеба. А к хлебу прибавлю ещё хорошую

порцию цветной капусты, приправленной маслом и уксусом.

Пиноккио посмотрел на кувшин, но не ответил ни да, ни нет.

– А после капусты ты получишь ещё вкусную конфету.

Такому соблазну Пиноккио противиться не мог и, собравшись с духом, сказал:

– Делать нечего! Давайте, отнесу ваш кувшин с водой!

Кувшин оказался очень тяжёлым. У Пиноккио не хватило сил тащить его в руках, и кувшин пришлось понести на голове.

Когда они пришли домой, добрая женщина усадила Пиноккио за стол и подала ему хлеб, цветную капусту и конфету. Пиноккио не ел, а заглатывал пищу. Можно было подумать, что его желудок пустовал полгода. Утолив наконец голод, он поднял голову, чтобы поблагодарить благодетельницу, и, только сейчас рассмотрев её как следует, вскрикнул от удивления да так и замер с выпученными глазами, с вилок в руке и с наполненным едой ртом.

– Чему ты так удивился? – спросила, смеясь, добрая женщина.

— Да это... — запинаясь, пробормотал Пиноккио, — то, что... вы похожи... вы мне напоминаете ...да, да... тот же голос... те же глаза... те же волосы... да... у вас тоже синие волосы... как у неё! О, фея, моя фея!.. Скажите, что это вы!.. Не заставляйте меня плакать! Если бы вы знали! Я так много плакал, я столько выстрадал!..

Не успев договорить, Пиноккио разрыдался. Он бросился на колени перед доброй женщиной и стал целовать её колени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Пиноккио обещает фее исправиться и пойти учиться, потому что ему надоело быть шутком и хочется стать хорошим мальчиком

начала добрая женщина отнекивалась и говорила, что она вовсе не фея с синими волосами, но затем, видя, что скрываться уже нечего, призналась, что это действительно она.

— Ах, ты, плутишка! Как же ты узнал меня? — спросила она.

— Я вас очень хорошо помню и никогда не забуду!

— Помнишь, ты оставил меня почти девочкой, а теперь видишь женщиной, которая годится тебе уже не в сёстры, а в матери.

— Для меня это ещё лучше: вместо того, чтобы называть вас сестрицей, я буду звать вас мамой. Я так давно мечтал иметь маму, как все

другие дети!.. Но как получилось, что вы так быстро выросли?

– Это секрет.

– Научите и меня: я тоже хочу вырасти. Вы видите, я остался таким же, каким и был.

– Но ты не можешь расти, – возразила фея.

– Почему?

– Потому, что деревянные куклы не растут. Они рождаются шутами, живут шутами и умирают шутами.

– Ох, мне уже надоело быть шутком и куклой! – закричал Пиноккио, ударив себя по голове. – Пора бы и мне сделаться человеком...

– Ты станешь человеком, когда заслужишь этого.

– В самом деле? А что я для этого должен сделать?

– Самые пустяки: тебе надо привыкнуть быть хорошим мальчиком.

– А разве я не хороший мальчик?

– Совсем наоборот! Хорошие дети послушны, а ты нет...

– А я никогда не слушаюсь.

– Хорошие дети любят учиться, а ты...

– А я лодырничая круглый год.

– Хорошие дети всегда говорят правду...
– А я всегда лгу.
– Хорошие дети охотно ходят в школу...
– А у меня от школы голова болит. Но с сегодняшнего дня я хочу исправиться.

– Ты мне это обещаешь?
– Обещаю. Я хочу стать хорошим мальчиком, чтобы быть утешением своему отцу... Да, а где мой бедный папа?

– Я не знаю.
– Дождусь ли я счастья увидеть и обнять его?

– Я думаю, что да, я даже уверена в этом.
Этот ответ так обрадовал Пиноккио, что он схватил руки феи и с жаром стал целовать их. Потом, подняв голову и с любовью глядя на фею, он спросил её:

– Скажи, мама, это неправда, что ты умерла?
– Кажется, нет, – ответила, улыбаясь, фея.
– Если б ты знала, какое горе я перенёс, увидев твою могилу...

– Знаю, знаю, поэтому я и простила тебя. Искренность твоей печали показала мне, что у тебя доброе сердце; от детей с добрым сердцем, если они даже шаловливы и непослушны,

всегда можно ожидать перемены к лучшему, то есть можно надеяться, что они пойдут по правильному пути. Вот почему я и пришла сюда за тобой. Теперь я буду твоей мамой...

– Вот замечательно! – воскликнул Пинокио, подпрыгивая от радости.

– Ты будешь меня слушаться, будешь всегда делать то, что я тебе скажу?

– Охотно, всегда!

– С завтрашнего дня, – продолжала фея, – ты начнешь ходить в школу.

При этих словах Пиноккио сразу потерял часть своей весёлости.

– Потом ты выберешь, по собственному желанию, какое-нибудь ремесло.

Пиноккио сделался совсем серьёзным.

– Что ты бормочешь себе под нос? – спросила фея.

– Я думал... – проговорил Пиноккио сквозь зубы, – что мне уже поздновато ходить в школу...

– Нет. Помни, что учиться, приобретать знания никогда не поздно.

– Но я не хочу изучать никакого ремесла...

– Почему это?

– Потому что работа меня всегда утомляет.

– Дитя моё, – сказала фея, – те, кто так говорит, кончают тем, что попадают или в тюрьму, или в больницу. Знай, что человек, богат ли он или беден, обязан заняться делом, обязан работать. Избави бог привыкнуть к безделью! Безделье – ужасная болезнь, надо лечить её с

детства, — иначе, когда станешь взрослым, от неё уже не избавишься.

Слова феи тронули и вразумили Пиноккио. Он быстро вскинул голову и произнес ей:

— Я буду учиться, буду работать, буду делать всё, что ты мне скажешь, потому что мне действительно надоела жизнь шута и я твёрдо решил стать настоящим мальчиком. Ведь ты мне это обещала, правда?

— Да, я тебе это обещала, и теперь всё зависит от тебя самого.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

*Пиноккио отправляется со своими товарищами
на берег моря, чтобы посмотреть
на чудовищную акулу*

На другой день Пиноккио отправился в местную школу.

Представьте себе удивление школьников, когда они увидели в классе деревянного шута. Каким звонким хохотом они его встретили! Школьники тотчас принялись за Пиноккио: кто тянул его шляпу, кто дергал его за куртку, кто пробовал нарисовать ему чернилами усы, а кто намеревался привязать к его ногам веревочки, чтобы заставить его плясать.

Некоторое время Пиноккио сдерживал себя, но наконец не вытерпел и, обратившись к маленьким насмешникам, произнес строгим и внушительным тоном:

– Берегитесь, ребята: я пришёл сюда вовсе не для того, чтобы вас смешить; я уважаю других и требую, чтобы и меня уважали.

– Браво, браво! Говорит как по книге читает! – закричали мальчики, разбегаясь со смехом; при этом один из них, самый задиристый, протянул руку, чтобы схватить куклу за нос. Но он не успел этого сделать: Пиноккио вытянул ногу под столом и крепко лягнул смельчака.

– Ой, ой, какие твёрдые у него ноги! – закричал пострадавший, растирая ушибленную голень.

– А локти ещё твёрже!.. – завопил другой, получивший за дерзкую выходку удар локтем в грудь.

Так при помощи ударов ногой и локтем Пиноккио завоевал уважение и расположение всех школьных товарищей.

Вскоре все они стали его близкими друзьями.

Да и учитель стал его хвалить, оценив его внимание и прилежание и заметив, что он всегда первым входил в класс и последним вставал с места, когда уроки оканчивались.

Одно было плохо: Пиноккио слишком сдружился с ребятами, среди которых было много лентяев.

Учитель каждый день напоминал ему об этом, да и фея постоянно повторяла:

— Берегись, Пиноккио! Эти товарищи рано или поздно отобьют у тебя охоту учиться, а может быть, и вовлекут тебя в какую-нибудь беду.

— Ну нет, этому не бывать! — отвечал Пиноккио, пожимая плечами и дотрагиваясь пальцем

до своего деревянного лба, как бы говоря: «Тут достаточно ума, чтобы не допустить ничего подобного!»

В один прекрасный день несколько товарищей встретили Пиноккио, когда он шёл в школу, и сказали ему:

– Знаешь интересную новость?

– Какую?

– Тут поблизости, на море, появилась акула величиной с гору.

– В самом деле?.. Уж не та ли это акула, которая проглотила моего отца?

– Мы сейчас идём на берег, чтобы посмотреть на неё. Хочешь с нами?

– Нет, я лучше пойду в школу.

– На что тебе далась школа? В школу можно пойти и завтра. Уроком больше, уроком меньше – всё равно останемся теми же ослами.

– А что скажет учитель?

– Пусть себе ворчит. За то ему и платят, чтобы он ворчал каждый день.

– А моя мама?

– Мама ничего не узнают, – ответили эти бездельники.

– Знаете, что я сделаю? – сказал Пинок-

кио. — У меня есть свои причины увидеть эту акулу... Но я пойду на берег после занятий.

— Эх ты, дурак! — воскликнул один из школьников. — Ты думаешь, что такая большая рыба будет ждать, пока ты пожелаешь её увидеть? Как только ей надоест быть на одном месте, она уплывёт на другое, и тогда тот, кто не успел её посмотреть, останется с носом.

— А сколько времени нужно, чтобы добраться до берега моря? — спросил мальчик.

— Мы успеем вернуться через час.

— Если так, то вперёд! Кто первым добежит, тот и выиграет! — закричал Пиноккио.

Вся ватага мальчуганов сорвалась с места, с книгами и тетрадями под мышкой. Пиноккио был впереди всех; казалось, к его ногам приделаны крылья, так быстро он мчался.

Время от времени он оборачивался назад и насмехался над своими отставшими приятелями, которые, пытаясь, с трудом поспевали за ним. Несчастный не знал, какие ужасные испытания ожидают его впереди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

*Большая драка между Пиноккио
и его товарищами; один из них ранен,
и Пиноккио арестован полицией*

Когда Пиноккио добежал до берега, он первым делом стал вглядываться в море, но акулы нигде не было. Морская поверхность была совершенно пустынной, гладкой и спокойной.

— А где же акула? — спросил Пиноккио у догнавших его товарищей.

— Наверное, отправилась позавтракать, — расхохотался один из них.

— А может, прилегла в постель, чтобы вздремнуть, — прибавил другой, смеясь ещё громче.

Тут Пиноккио понял, что товарищи попросту обманули его; начиная закипать, он резко спросил:

— Зачем вы выдумали эту историю об акуле?

– Так нужно было! – ответила вся компания в один голос.

– И для чего понадобились эти глупые шутки?

– А для того, чтобы ты не пошёл в школу, а отправился с нами. Как тебе не стыдно быть таким аккуратным и таким прилежным? Как тебе не стыдно столько учиться?

– Какое вам дело, если я хочу учиться?

– Такое, что по твоей милости мы на плохом счету у учителя!

– Это почему?

– Потому, что того, кто хорошо учится, ставят в пример другим, которых считают лентяями. А мы не хотим, чтобы нас считали за плохих учеников! У нас тоже есть самолюбие!

– И что я должен сделать, чтобы вам угодить?

– Ты должен, как и мы, не любить ни школу, ни уроки, ни учителя – это наши три врага.

– А если я всё-таки захочу учиться?

– Тогда мы тебе не товарищи, и ты за это заплатишься!

– Вас даже слушать смешно, – сказал Пинноккио, пожимая плечами.

– Эй, Пиноккио! – закричал тогда самый старший из компании, грозно подходя к мальчику. – Ты тут не очень-то командуй, не петушись! Если ты нас не боишься, то и мы тебя не боимся! Помни, что ты один, а нас здесь семеро!

– Прямо семь смертных грехов, – расхохотался Пиноккио.

– Слышите? Он нас всех оскорбил! Он назвал нас смертными грехами!

– Пиноккио! Проси у нас извинения, а не то берегись!..

– Ку-ку! – сказал мальчик и показал нос.

– Пиноккио! Тебе плохо будет!

– Ку-ку! – повторил Пиноккио.

– Мы тебя изобьём, как упрямого осла.

– Ку-ку!

– Придёшь домой с разбитым носом!..

– Ку-ку!

– Я тебе задам ку-ку! – закричал самый смелый из мальчишек. – Получи себе на ужин!

С этими словами он ударил Пиноккио кулаком по голове.

Но это ему не прошло даром: Пиноккио, как и следовало ожидать, ответил таким же ударом, и тут завязалась общая драка.

Пиноккио, хотя и был один, защищался геройски. Он так хорошо работал своими твёрдыми деревянными ногами, что держал своих противников на почтительном расстоянии. У того, кто получал удар его ноги, надолго оставался большой синяк.

Тогда мальчишки, отчаявшись справиться с недругом кулаками, решили атаковать его с расстояния: книги и тетради моментально были развязаны, и в Пиноккио полетели, как бом-

бы, азбуки, учебники грамматики, арифметики, книги для чтения. Но деревянный мальчик был ловок и увертлив, и все книги, пролетая мимо него, падали прямо в море.

Рыбы, принимая эти книги за что-нибудь съедобное, бросались на них, но, попробовав какую-нибудь страницу, они выплевывали откушенное назад и делали гримасы, как бы говоря: «Не для нас писано, мы привыкли к более тонкой пище!»

Между тем сражение разгоралось всё сильнее. Вдруг из воды выполз большой рак и, вскарабкавшись на берег, закричал хриплым голосом:

— Перестаньте, негодные мальчишки! Эти драки редко оканчиваются благополучно. Всегда случается какое-нибудь несчастье!..

Бедный рак! Его слова были брошены на ветер. А пострел Пиноккио, обернувшись и злобно посмотрев на него, грубо крикнул:

— Замолчи, противное животное! Лучше поличи своё горло, чтобы не хрипеть. Ступай в кровать и постарайся пропотеть!..

Между тем мальчики, разбросав все свои книги, заметили пачку книг самого Пиноккио

и принялись за неё. В пачке была книга в толстом картонном переплёте, с корешком и углами из толстой кожи. Это был учебник арифметики. Можете представить, каким он был тяжёлым! Один из мальчиков схватил эту книгу, прицелился в голову Пиноккио и швырнул её что было силы; но Пиноккио увернулся, и книга попала в голову одного из мальчиков; тот побледнел и упал без чувств, успев только проговорить:

– Мама, мама, помоги мне... я умираю!..

При виде такого несчастья перепуганные мальчишки моментально разбежались. На берегу остался один Пиноккио. Хотя он и сам перепугался насмерть, но всё-таки побежал к морю, обмакнул платок в воду и стал прикладывать его к виску своего бедного товарища. Он плакал над ним, звал его по имени и говорил:

– Эдженио!.. Бедный мой Эдженио!.. Открой глаза, посмотри на меня!.. Почему ты мне не отвечаешь? Ведь это не я тебя так ушиб! Поверь мне, это не я! Открой глаза, Эдженио! Если ты не откроешь глаза, то лучше и мне умереть... Ах, боже мой! Как я теперь вернусь домой? Как я покажусь на глаза моей доброй маме? Что со

мной будет? Куда я убегу? Куда я спрячусь?.. И зачем я послушался ребят? Учитель говорил мне: «Веди себя хорошо», мама повторяла мне: «Берегись плохих товарищей!» Но я упрямый... и глупый... я слушаю, что говорят, а поступаю по-своему! А потом приходится раскаиваться! Вот так, с тех пор, как я появился на свет, я не видел счастья и четверти часа! Что же мне делать? Что мне делать?

Пиноккио продолжал плакать и причитать, бил себя по голове и звал бедного Эдженио.

Вдруг он услышал звук приближающихся шагов.

Он обернулся: перед ним стояли два полицейских.

— Что ты тут делаешь? — спросили они Пиноккио.

— Ухаживаю за моим школьным товарищем.

— Что с ним? Ему нехорошо?

— Кажется!..

— Ещё бы! — сказал один из полицейских, наклонясь и осматривая Эдженио. — Этот мальчик ранен в висок; кто его ранил?

— Не я! — пробормотал деревянный шут, дрожа от страха.

- Если не ты, то кто же?
- Не я! – повторил Пиноккио.
- А чем его ранили?
- Этой книгой, – тут Пиноккио поднял учебник и показал его полицейским.
- Чья эта книга?
- Моя.
- Этого довольно: больше никаких доказательств не требуется. Вставай и следуй за нами.
- Но я...
- Марш за нами!
- Но я невиновен...
- Идем за нами!

Перед уходом полицейские позвали рыбаков, которые как раз подплыли к берегу на лодках, и сказали им:

– Возьмите этого раненого мальчика, отнесите к себе домой и окажите ему помощь. Завтра мы придем навестить его.

Затем они встали по обе стороны от Пиноккио и строго приказали ему:

– Вперёд! Не сопротивляйся, а то тебе же будет хуже.

Мальчик беспрекословно пошёл с ними по дороге, ведущей к селению. Бедняга так был

испуган, что ничего не понимал. Ему казалось, что это сон, страшный сон! В глазах у него двоилось, ноги дрожали, язык прилип к нёбу, и он не мог выговорить ни слова. Больше всего его угнетала мысль о том, что он должен пройти мимо дома доброй феи, под надзором полиции, как преступник. Он предпочёл бы лучше умереть.

Они уже подходили к селению, когда сильный порыв ветра сорвал шляпу с головы Пиноккио и отбросил её шагов на десять в сторону.

– Позвольте мне поднять шляпу, – сказал мальчик полицейским.

– Ну ладно, только поживее.

Пиноккио пошёл, поднял шляпу... но вместо того, чтобы надеть её на голову, он взял её в зубы и... пустился бежать что есть духу к берегу моря. Он летел, как пуля. Понимая, что им его не догнать, полицейские спустили на него

большую собаку, получившую первую премию на собачьих бегах. Пиноккио бежал быстро, а собака ещё быстрее. Люди собирались на улице, выглядывали из окон, гадая, кто победит. Но рассмотреть что-нибудь было невозможно: клубы пыли, поднятые на бегу Пиноккио и собакой, полностью скрыли их от зрителей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

*Пиноккио рискует быть изжаренным
на сковороде, как рыба*

Во время этой гонки настал момент, когда Пиноккио считал себя погибшим, так как Алидор – так звали собаку – почти догнал его. Всего в шаге от себя мальчик слышал учащённое дыхание животного и даже чувствовал пар от этого дыхания. К счастью, берег моря был уже совсем близко. Пиноккио прыгнул что есть сил и оказался в воде. Алидор хотел остановиться, но с разбегу не удержался и тоже упал в море. Несчастный пёс не умел плавать: он колотил лапами, чтобы удержаться на поверхности, но ничего не помогало: он начал идти ко дну. Пёс с трудом сумел высунуть голову из воды и кричал с расширенными от ужаса глазами:

– Тону, тону!

– И тони! – отвечал ему издали Пиноккио, чувствовавший теперь себя в безопасности.

– Помоги мне, Пиноккио!.. Спаси меня!

Пиноккио не был злым. Отчаянные крики пса пробудили в нём жалость, и он обратился к Алидору:

– Если я помогу тебе, обещаешь оставить меня в покое и не гоняться за мной?

– Обещаю, обещаю! Только смилуйся надо мной, а то я вот-вот утону.

Пиноккио всё ещё колебался, но потом вспомнил, как отец говорил ему, что доброе дело всегда приносит пользу, подплыл к Али-

дору и, взяв его обеими руками за хвост, вытащил на берег. Бедный пёс не мог стоять на ногах: он проглотил столько солёной воды, что раздулся, как шар. Но Пиноккио не рискнул довериться обещаниям Алидора и счёл более благоразумным опять броситься в море. Отплыв от берега, он крикнул спасённой собаке:

— Прощай, Алидор, доброго пути, кланяйся полицейским.

— Прощай, Пиноккио, — ответил Алидор, — тысячу раз спасибо тебе за то, что ты спас меня от смерти. Ты оказал мне большую услугу; я никогда не забуду её и постараюсь не остаться в долгу...

Пиноккио продолжал плыть, держась ближе к берегу. Наконец ему показалось, что он достиг безопасного места: он осмотрел берег и увидел между скалами что-то вроде пещеры, из которой выходил дым.

— В этой пещере, — сказал он про себя, — по-видимому, горит огонь. Тем лучше! Обсохну, согреюсь, а потом?.. А там будь что будет.

Приняв такое решение, Пиноккио подплыл к скале, но лишь только начал взбираться на

камни, как с изумлением почувствовал, что поднимается в воздух. Он попытался убежать, но было поздно: он попался в огромную сеть, в которой копошилось множество рыб всевозможной формы и величины; все эти рыбы билась, пытаясь вырваться из невода.

Тут Пиноккио увидел выходящего из пещеры рыбака, такого безобразного, что он больше был похож на морское чудовище, а не на человека. Вместо волос на голове у него торчала зелёная трава; зелёными были и его кожа, и глаза, и длинная-предлинная борода. Он казался огромной ящерицей, стоящей на задних лапах.

Когда рыбак вытащил свою сеть, то радостно воскликнул:

— Вот повезло! Столько рыбы, что лопнуть можно!

«Хорошо, что я не рыба!» — подумал Пиноккио, приободрившись.

Рыбак втащил сеть с уловом в пещеру. Это было мрачное помещение, наполненное дымом; в самой середине стояла большая сковорода, от которой поднимался удушливый запах пригорелого масла.

– Теперь посмотрим, какая рыба мне попала! – сказал зелёный рыбак.

Засунув в сеть огромную лапу, он вытащил из неё горсть барбунов.

– Славные барбуны! – прибавил он, осматривая и обнюхивая рыбу.

Бросив рыбу в пустую лохань, он снова запустил пятерню в сеть и выудил следующую порцию добычи. От удовольствия у него текли слюнки, и он приговаривал:

– Вкусные эти мерлушки!.. А какие славные камбалы!.. До чего миленькие анчоусы!..

Все эти рыбы тоже попали в лохань, за компанию с барбунами. Последним в сети остался Пинноккио.

Когда рыбак вынул его, то, широко раскрыв от удивления свои зелёные глаза, он воскликнул:

– Это что за рыба?

Не помню, чтобы мне

приходилось когда-нибудь есть нечто подобное.

Тут он стал внимательно рассматривать деревянного мальчика и, повертев его во все стороны, пришёл к следующему заключению:

– Понимаю: это, должно быть, морской рак.

Но Пиноккио обиделся, услышав, что его принимают за рака, и возмущенно сказал:

– Какой я вам рак? Ещё что выдумали! Знайте, что я шут.

– Шут? – спросил рыбак. – Правду сказать, рыба-шут для меня в новинку! Тем лучше, я тебя ещё охотнее съем.

– Съедите? Да поймите же, что я не рыба! Разве вы не видите, что я могу говорить и думать, как и вы?

– Это правда, – заметил рыбак, – и, раз ты необычная рыба, имеющая счастье говорить и думать, как я, то я хочу и поступить с тобой по-особенному.

– И в чем же это будет выражаться?

– В знак дружбы и особого к тебе уважения я предоставлю тебе выбор: как ты желаешь быть приготовленным? Желаешь ли ты быть зажаренным на сковороде или быть сварен-

ным в котелке, под соусом из красных баклажанов?

— Сказать правду, я бы предпочел получить свободу, чтобы вернуться домой.

— Ты смеёшься! Думаешь, я упущу случай испробовать такую редкую рыбу, как ты? Не всякий день попадается в сеть шут-рыба. Положись лучше на меня: я тебя изжарю на сковороде вместе с другими рыбами, и ты останешься доволен. Притом жариться в компании веселее.

После таких успокоительных слов несчастный Пиноккио начал плакать, кричать, умолять и при этом думал:

«Как было бы хорошо, если бы я пошёл в школу! Я послушался дурных товарищей и теперь жестоко за это наказан!»

А так как он изгибался и вертелся, всеми силами стараясь вырваться из лап зелёного рыбака, тот схватил пучок лозняка и, связав мальчику по рукам и ногам, кинул его в лохань к рыбам.

Затем, вытащив кадку с мукой, рыбак начал обкатывать в муке всю свою добычу и каждую вывалившую в муке рыбину бросал на горячую сковороду.

Первыми попали в кипящее масло барбуны, за ними стали плясать мерлушки, потом камбалы и анчоусы; наконец, пришла и очередь Пиноккио. Чувствуя близость смерти (и какой ужасной смерти!), Пиноккио со страху потерял голос и всякую способность говорить и просить.

Бедный мальчик только смотрел жалобно и умоляюще. Но зелёный рыбак, не обращая на его взгляд никакого внимания, обвалил его пять или шесть раз в муке с головы до ног, так что он стал совсем белым. Затем рыбак взял его за голову и...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

*Пиноккио возвращается домой к фее,
которая обещает на следующий день
превратить его в настоящего мальчика. Завтрак
в виде кофе с молоком, чтобы отпраздновать
это великое событие*

Не успел рыбак бросить Пиноккио на сковороду, как вдруг в пещере появилась большая собака, привлеченная соблазнительным запахом жареной рыбы.

– Пошла прочь! – закричал на неё рыбак, замахиваясь одной рукой и не выпуская из другой свою жертву.

Но бедная собака была голодна за четверых; она визжала, махала хвостом и, казалось, хотела сказать: «Дай мне кусочек жареного – и я тебя оставлю в покое».

– Пошла прочь, говорю тебе! – повторил рыбак и замахнулся на неё ногой.

Тогда собака, не привыкшая к такому обращению, да к тому же голодная, злобно зарычала и показала рыбаку свои острые, крепкие зубы.

Тут еле слышный голосок проговорил:

— Спаси меня, Алидор! Если ты меня не спасёшь, я буду изжарен!..

Собака тотчас узнала голос Пиноккио и догадалась, что исходит он из обвалившегося в му-

ке предмета, который сжимал в руке рыбак.

Что же предпринял Алидор? Он высоко подпрыгнул, выхватил куклу у рыбака, и, осторожно держа в зубах деревянное тело, с быстротой молнии выбежал из пещеры!

Вне себя от ярости, что у него вырвали из рук рыбу, которую он хотел посмаковать, рыбак попробовал догнать пса, но куда там! Он сделал лишь несколько шагов, как его стал души́ть кашель, и ему пришлось вернуться к себе.

Между тем Алидор, найдя дорогу, которая вела в селение, остановился и бережно положил Пиноккио на землю.

— Как мне тебя благодарить? — сказал Пиноккио.

— Не за что меня благодарить, — возразил пёс, — ты тоже меня спас, а долг платежом красен. В жизни всегда нужно помогать друг другу.

— Как ты попал в пещеру?

— После того как ты меня спас, я лежал на берегу моря, еле живой, и вдруг почувствовал

запах жареного; этот запах раздражил мой аппетит, и я отправился туда, откуда он доносился. Прибеги я на минутку позже...

– И не говори! – воскликнул Пиноккио, всё ещё дрожа от страха. – Не говори! Если бы ты на минуту опоздал, теперь я уже был бы изжарен, съеден и переварен! Брр! Мороз по коже пробегает при одной мысли об этом!..

Алидор засмеялся и протянул свою правую лапу мальчику, который крепко пожал её в знак дружбы. После этого оба приятеля расстались.

Пёс направился к себе домой, а Пиноккио, оставшись один, подошёл к домику, который находился неподалеку, и спросил у старичка, сидевшего на бревне:

– Скажите, добрый человек, не знаете ли вы чего-нибудь о бедном мальчике по имени Эдженио, который был ранен в голову?

– Этого мальчика принесли сюда рыбаки и теперь...

– Он не умер?... – с нетерпением перебил его Пиноккио.

– Нет, он жив и вернулся к себе домой.

– В самом деле? – воскликнул Пиноккио,

прыгая от радости. — Значит, рана не была опасна?..

— Нет, но она могла быть опасна и даже смертельна, — ответил старичок, — потому что ему бросили в голову толстую книгу, переплетённую в картон.

— А кто же её бросил?

— Его товарищ по школе, некий Пиноккио.

— Кто такой этот Пиноккио? — спросил наш герой, притворяясь, будто ничего не знает.

— Говорят, что это негодный мальчишка, сорвиголова, бродяга.

— Клевета, всё клевета!

— Разве ты знаешь этого Пиноккио?

— Так, немного! — ответил мальчик.

— Каков же он, по-твоему? — спросил старичок.

— По-моему, он доброе дитя, послушное, любящее отца и мать, и к тому же он очень прилежный ученик...

Рассказывая все эти небылицы, Пиноккио дотронулся до своего носа и заметил, что он стал длиннее на целый фут. Испугавшись, он поспешил поправиться:

— Не верьте всему тому, что я вам наговорил; я прекрасно знаю Пиноккио и могу уве-

рить, что он действительно непослушный, своевольный мальчишка, и вместо того, чтобы идти в школу, он гуляет с товарищами, бездельничает и куролесит!

Едва он умолк, его нос укоротился и стал своих обычных размеров.

– А почему ты весь вымазан белым? – вдруг спросил его старичок.

– Я вам скажу... я нечаянно прислонился к стене, которую недавно выкрасили, – ответил мальчик, стыдясь признаться, что его обкатали в муке, как рыбу, чтобы изжарить на сковороде.

– А куда ты девал свою куртку, штаны и шляпу?

– Меня раздели воры. Скажите, добрый старичок, не можете ли вы дать мне какое-нибудь платье, чтобы только вернуться домой?

– Дитя моё, у меня есть только небольшой мешок. Если хочешь, возьми его, вот он.

Пиноккио не заставил просить себя: он сейчас же взял мешок, вырезал ножницами в его дне дыру для головы, две дыры по бокам – для рук и надел его, как рубашку. В таком наряде он направился к жилищу феи.

Но по дороге им овладела нерешительность, он то и дело останавливался и рассуждал про себя:

– Как я покажусь теперь доброй фее? Что она скажет, когда увидит меня?.. Захочет ли она

простить мне эту новую выходку?.. Бьюсь об заклад, что она не простит мне!.. Конечно, не простит!.. Так мне и надо: я из тех мальчиков, которые всё обещают исправиться и не исполняют своего обещания!

Пиноккио пришёл в селение уже ночью, а так как погода была ненастная и дождь лил, как из ведра, то он направился прямо к дому феи, собираясь постучаться в дверь.

Но когда он приблизился к порогу, его храбрость исчезла, и вместо того, чтобы постучаться, он отошёл от дома шагов на двадцать. Затем Пиноккио опять подошёл к дверям и всё-таки не решился постучать; в третий раз он всё так же не мог набраться смелости. Наконец, в четвёртый раз, он ухватился, дрожа, за ручку двери и тихо постучал.

Ждал он, ждал; наконец через полчаса открылись ставни в самом верхнем этаже (дом был четырёхэтажный), и Пиноккио увидел в

окне большую улитку, на голове которой стояла свеча. Улитка спросила:

– Кто это стучится в такую пору?
– Фея дома? – спросил мальчик.
– Фея спит и не велела её будить. А ты кто такой?

– Это я!
– Кто ты?
– Пиноккио.
– Кто такой Пиноккио?
– Шут, который живёт у феи.
– А, знаю! – сказала улитка. – Подожди меня, я спущусь и отопру тебе.

– Поторопитесь, пожалуйста, я страшно озяб.

– Дитя моё, я улитка, а улитки никогда не торопятся.

Прошёл час, другой, а дверь не отворялась, и Пиноккио, дрожавший от холода и от страха, решился постучаться второй раз, теперь уже громче.

На этот раз открылось нижнее окно, и в нём показалась та же улитка.

– Улиточка, милая, – закричал Пиноккио с улицы, – уже два часа, как я жду! Два часа в та-

кую погоду кажутся двумя годами. Поторопитесь, умоляю вас.

– Дитя моё, – ответила медлительная невозмутимая улитка, – я улитка, а улитки никогда не торопятся.

И окно затворилось.

Вскоре пробило полночь, затем – час, наконец пробило два часа ночи, а дверь всё не отворялась.

Тут Пиноккио потерял терпение: он с яростью ухватился за дверную ручку, чтобы поднять грохот на весь дом; но железная ручка вдруг превратилась в угря, который, выскользнув из рук Пиноккио, исчез в ручейке, образовавшемся на улице после проливного дождя.

– А, так вот как! – закричал Пиноккио, взбешённый неудачей. – Если нет ручки, так я буду стучать ногами!

И, отойдя на несколько шагов, он бросился на дверь и изо всей силы ударил в неё ногой. Удар был так силен, что его нога вошла в дерево, и он никак не мог высвободить её: она застряла в дверях, как гвоздь.

Представьте себе положение нашего бедного шута! Он должен был провести оставшуюся часть ночи, стоя только на одной ноге.

Поутру, на рассвете, дверь наконец отворилась. Этой милой улитке понадобилось ни больше ни меньше как девять часов, чтобы спуститься с верхнего этажа на улицу. Надо заметить, что она вся взмокла от такой долгой ходьбы.

— Что это вы сделали со своей ногой? Зачем вы вбили её в дверь? — спросила улитка, смеясь.

— Случилось несчастье. Взгляните, милая улиточка, не можете ли вы освободить меня?

— Дитя моё, тут нужен плотник, а я никогда не занималась плотничеством.

- Попросите фею!..
- Фея ещё спит и запретила себя будить.
- Неужели я весь день проведу пригвождённый к этой двери?
- Если тебе скучно, то посчитай муравьев, которые проходят по дороге.
- Пришлите мне, по крайней мере, что-нибудь поесть, ведь я страшно голоден.
- Сейчас, – сказала улитка.

И через три с половиной часа Пиноккио дождался её с серебряной миской на голове. В миске был хлеб, жареная курица и четыре спелых абрикоса.

– Вот завтрак, который вам посылает фея, – сказала улитка.

При виде этих лакомств мальчик совершенно успокоился. Но каково было его разочарование, когда, принявшись за еду, он увидел, что хлеб сделан из гипса, курица – из картона, а четыре абрикоса – из алебаstra, и выкрашены они так искусно, что казались настоящими. Он хотел плакать, кричать, хотел бросить всё это на землю; но вместо того, то ли от горя, то или от сильного голода, он упал в обморок.

Когда Пиноккио пришёл в себя, то обнаружил, что лежит на диване, а рядом сидит фея.

— И на этот раз я тебя прощаю, — сказала ему фея, — но берегись, лучше не повторяй своих проказ!..

Пиноккио обещал учиться и вести себя как нельзя лучше.

И он сдержал своё слово до конца года.

На весенних экзаменах он был признан первым в школе, и вообще он вёл себя так хорошо, что фея, очень довольная, сказала ему:

– Завтра, наконец, твоё желание будет исполнено!

– То есть?

– Завтра ты перестанешь быть деревянным шутком и станешь настоящим мальчиком.

Тот, кто не видел радости Пиноккио при этом известии, не может себе её представить. Все его друзья и товарищи по школе были приглашены на следующий день к завтраку в дом феи, чтобы отпраздновать весёлое событие. Фея приготовила двести чашек кофе с молоком и четыреста булочек, намазанных маслом внутри и снаружи. Этот день обещал быть очень весёлым и торжественным, но... к несчастью, в жизни деревянных шутов всегда случается что-нибудь непредвиденное.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Пиноккио, вместо того чтобы стать настоящим мальчиком, тайком отправляется со своим другом Фитилём в Страну игр

Разумеется, Пиноккио попросил фею отпустить его в город, чтобы пригласить гостей.

– Иди, пригласи товарищей, – согласилась фея, – но помни, что надо вернуться домой до сумерек. Понимаешь?

– Я вернусь через час, обещаю.

– Смотри, Пиноккио! Дети легко обещают, но очень часто не держат слова.

– Но я не такой, как другие: если я что скажу, то так и сделаю.

– Увидим. Если не сдержишь своего слова, тем хуже для тебя.

– Почему?

– Потому что дети, не слушающие советов старших, непременно попадают в беду.

– Я в этом уже убедился! – сказал Пиноккио. – Но теперь уж больше не попадусь!

– Посмотрим, правду ли ты говоришь.

Ничего не ответив на это, мальчик поклонился доброй фее, заменившей ему мать, и, припрыгивая и напевая, ушёл из дому.

Через какой-нибудь час с лишним все его друзья были приглашены. Некоторые сразу и с радостью приняли приглашение, другие сначала заставили себя просить, но когда они узнали, что булочки к кофе будут намазаны маслом и внутри, и снаружи, то сказали:

– Мы придём, чтобы доставить тебе удовольствие.

Но надо сказать, что среди товарищей по школе у Пиноккио был самый любимый друг. Его имя было Ромео, но все звали его Фитиль, потому что он был худенький и длинный, совсем как фитиль ночника.

Фитиль был самым своенравным и озорным мальчиком в школе, а Пиноккио очень его любил. Конечно, Пиноккио зашёл и к Фитилю, чтобы пригласить и его к завтраку, но не застал его дома. Он вернулся к нему второй раз и опять не застал. Пришёл и в третий раз – и

опять напрасно. Наконец, после долгих поисков в разных местах, Пиноккио увидел его под навесом крестьянского дома.

— Что ты тут делаешь? — спросил, подходя к нему, Пиноккио.

— Жду полуночи, чтобы уехать...

— Куда?

— Далеко-далеко!

— А я заходил к тебе домой три раза.

— Что тебе было нужно?

— Ты не знаешь радостной новости? Не знаешь, какое счастье выпало на мою долю?

— Какое?

— Завтра я перестану быть деревянным шутком и стану таким, как ты, как все.

— В добрый час.

— Так я жду тебя завтра к завтраку.

— Я же говорю тебе, что уезжаю сегодня ночью.

— В котором часу?

— Очень скоро.

— Куда же ты едешь?

— Переезжаю в другую страну... в самую лучшую страну мира, где всего-всего в изобилии.

— А как называется эта страна?

— Она называется Страной игр. Почему бы и тебе не поехать туда?

— Мне? О, нет!

— Поверь мне, Пиноккио! — сказал Фитиль. — Если ты не поедешь, то будешь потом жалеть. Где ты найдёшь страну более подходящую для нас, детей? Там нет школ, нет учителей, нет книг. В этой благословенной стране никогда не учатся. По четвергам школа закрыта, и каждая неделя состоит из шести четвергов и одного воскресенья. Осенние каникулы начинаются с первого января и оканчиваются в декабре. Такая страна мне подходит! Вот какими должны быть все цивилизованные страны!..

— А как там проводят дни?

— С утра до вечера играют и развлекаются. Вечером ложатся спать, а на следующий день начинают всё заново. Как тебе это нравится?

— Гм!.. — произнёс Пиноккио, покачивая головой, как бы говоря: «Там-то и я охотно пожил бы».

— Ну, что же, хочешь ехать со мной? Да или нет? Решайся!

— Нет, нет, нет и ещё раз нет. Я обещал моей доброй фее стать хорошим мальчиком и хочу

сдержать своё слово. Солнце уже заходит; я оставлю тебя и побегу домой. Значит, прощай, счастливой дороги.

– Куда ты так торопишься?

– Домой. Моя добрая фея хочет, чтобы я вернулся до сумерек.

– Подожди ещё две минутки.

– Опоздаю.

– Всего две минуты.

– А если фея рассердится?

– Пусть себе сердится. Покричит и успокоится, – сказал бездельник Фитиль.

– А ты едешь один или в компании?

– Один? Да нас больше ста мальчиков.

– Вы отправитесь пешком?

– Скоро проедет экипаж, который захватит меня и довезёт до границы этой счастливой страны.

– Чего бы я не дал, чтобы экипаж сейчас подъехал!..

– А тебе-то это зачем?

– Чтобы увидеть, как вы все поедете.

– Подожди немного – и ты это увидишь.

– Нет, нет, мне пора возвращаться домой.

– Да подожди ещё две минуты.

– Я и так опоздал. Фея будет беспокоиться за меня.

– Бедная фея! Уж не боится ли она, что тебя съедят летучие мыши?

– А ты действительно уверен, что в этой твоей стране совсем нет школ?

– Даже слова такого – «школа» – нет.

– И учителей нет?

– Ни одного.

– И никто не заставляет учиться?

– Никогда!

– Славная страна! – сказал Пиноккио, сердце которого ушащённо забилося. – Славная страна! Я никогда там не был, но могу себе вообразить, что это такое!..

– Почему бы и тебе туда не поехать?

– Напрасно ты меня соблазняешь! Говорю тебе, я обещал моей доброй фее быть благоразумным и не хочу изменять своему слову.

– Ну, так прощай и поклонись от меня всем школам и даже гимназиям, если встретишь их на дороге.

– Прощай, Фитиль, счастливого тебе пути; развлекайся и вспоминай своих друзей. – И мальчик уже сделал несколько шагов, чтобы

уйти, но потом остановился и, обращаясь к своему другу, спросил его:

– А ты в самом деле уверен, что в той стране все недели состоят из шести четвергов и одного воскресенья?

– Абсолютно уверен.

– И ты точно знаешь, что каникулы продолжаются с января по декабрь, то есть круглый год?

– Конечно, знаю.

– Славная страна! – повторил Пиноккио. Затем он решительно повернулся и быстро сказал: – Так прощай, счастливого пути!

– Прощай.

– Скоро поедете?

– Скоро.

– Если до вашего отъезда осталось не больше часа, то я, пожалуй, подожду бы.

– А твоя фея?

– Я всё равно уже опоздал!.. Теперь уже неважно – часом раньше, часом позже.

– Бедный Пиноккио! А если фея рассердится?

– Что же делать, пусть себе сердится! Покричит и успокоится.

Между тем настала ночь, тёмная ночь. Вдруг друзья заметили вдали огонёк и услышали звук бубенчиков и рожка, но такой тихий, что, казалось, будто это песнь комара.

– Вот он! – воскликнул Фитиль, вскакивая с места.

– Кто? – спросил Пиноккио.

– Экипаж, который едет за мной. Так хочешь ехать с нами? Да или нет?

– А ты уверен, что в той стране мальчики не обязаны учиться? – спросил шут.

– Никогда, никогда, никогда не обязаны!

– Славная страна!.. Славная страна!.. Действительно, славная страна!..

Наконец экипаж приехал, подкатил он без малейшего шума, потому что колёса его были обернуты паклей и тряпками.

В экипаж были впряжены ослята – двенадцать пар ослят одной величины, но разной масти. Одни из них были серые, другие – белые, белые с чёрным крапом и, наконец, пегие, с жёлтыми и синими полосами. Но самым странным казалось то, что все эти двадцать четыре ослёнка были не подкованы, как обычные выючные животные, а обуты в сапоги из белой кожи.

А кучер-то?

Представьте себе человечка, который в ширину больше, чем в высоту, мягкого и жирного, как шарик из коровьего масла, с личиком, как красное яблочко, с ротиком, вечно смеющимся, с голоском тоненьким и ласковым, как голос кошки, которая ластится к хозяйке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

*Не обращая внимания на предупреждения
говорящего ослёнка, Пиноккио вместе с Фитилём
прибывает в Страну игр*

Все дети приходили в восторг при виде этого кучера и тотчас бросались занимать места в его экипаже, чтобы ехать в чудесную страну, известную на географической карте под названием Страна игр.

Действительно, экипаж был весь переполнен мальчиками от восьми до двенадцати лет, которые сидели один на другом, как сельди в бочке. Им было неудобно, тесно, нельзя было даже свободно дышать, но никто не жаловался. Мысль о том, что через несколько часов они прибудут в страну, где нет ни книг, ни школ, ни учителей, придавала им столько радости и терпения, что они не чувствовали ни неудобств, ни усталости, ни голода, ни жажды, ни желания заснуть.

Когда карета остановилась, человек, сидевший на козлах, обратился к Фитилю и, скорчив гримасу, с улыбкой спросил его:

– Скажи, милый мальчик, ты тоже хочешь поехать в счастливую страну?

– Конечно, хочу.

– Но предупреждаю тебя, малыш, что в моём экипаже больше нет места. Как видишь, он уже переполнен!

– Ничего, – отмахнулся Фитиль, – если нет места внутри экипажа, то я и на дышле посижу. – И, подпрыгнув, он сел верхом на дышло.

– А ты, голубчик, – любезно обратился человек к Пиноккио, – что думаешь делать? Ты останешься или хочешь ехать с нами?

– Я остаюсь, – ответил Пиноккио. – Я хочу вернуться домой, хочу учиться и заслужить похвалу в школе, как это делают хорошие мальчики.

– В добрый час!

– Пиноккио! – сказал Фитиль. – Послушай меня: поедem с нами, нам будет весело.

– Нет, нет!

– Поедем с нами, повеселимся! – закричали ему несколько голосов.

– Поезжай с нами, нам будет весело! – закричали все сто мальчиков.

– А если я поеду с вами, что скажет моя добрая фея? – произнёс Пиноккио, уже начавший колебаться.

– Брось ты, пожалуйста, свои грустные мысли! Подумай только, мы едем в страну, где можно будет безнаказанно шуметь с утра до вечера!

Пиноккио не ответил, но вздохнул; потом опять вздохнул, затем ещё и, наконец, сказал:

– Дайте мне место, поеду и я!..

– Места-то все заняты, – возразил человек, – но, чтобы угодить тебе, я могу пустить тебя на козлы.

– А вы сами как же?

— Я могу идти пешком.

— Нет, я этого не допущу. Я лучше сяду верхом на одного из этих ослят! — воскликнул Пиноккио.

Сказано — сделано. Пиноккио подошёл к ослу, стоявшему с правой стороны в первой паре, и хотел уже вскочить ему на спину, но осёл толкнул его мордой в грудь, и деревянный шут вверх тормашками полетел на землю.

Вообразите, каким смехом разразилась вся компания мальчишек. Но кучер не смеялся. Он подошёл к сердитому ослу и откусил ему половину правого уха.

В то же время Пиноккио, с бешенством вскочив на ноги, одним скачком взлетел на спину бедного животного. Прыжок был так удачен, что мальчики, тотчас перестав смеяться, заорали в один голос: «Браво, Пиноккио!» — и принялись хлопать в ладоши.

Но торжество Пиноккио пришлось не по душе ослу; он взбрыкнул, и наш герой покати́лся на середину дороги, прямо на кучу щебня.

Мальчики снова захохотали, а кучер опять остался серьёзным. Он снова подошёл к разошедшемуся ослу и откусил у него половину левого уха. Затем он сказал Пиноккио:

— Теперь можешь сесть верхом. Не бойся, этот осёл капризничал, но я ему сказал на ухо пару слов, и теперь он будет благоразумным.

Пиноккио сел верхом на осла, и экипаж тронулся. По дороге нашему герою показалось, что чей-то приглушенный, едва различимый голос говорит ему:

— Бедный дурачок! Ты опять захотел сделать по-своему, но ты будешь раскаиваться!

Испуганный Пиноккио смотрел во все стороны, пытаясь понять, откуда донёсся голос, но ничего не увидел; ослы бежали, экипаж ка-

тился по камням, мальчики внутри экипажа спали, а Фитиль храпел, как сурок; человечек, сидя на козлах, напевал:

«Все люди спят спокойно по ночам,
Моим лишь никогда нет сна очам...»

Проехав ещё с полверсты, Пиноккио опять услышал тот же голос, говоривший:

– Помни! Дети, бросающие учение и отказывающиеся от школ, учителей и книг, чтобы предаться развлечениям, кончают очень плохо! Я это знаю по опыту! Настанет день, когда ты будешь плакать, как я теперь плачу... но будет поздно!..

Услышав это, Пиноккио, испуганный донельзя, соскочил с осла и, подойдя к нему, взял его за мордочку. Каково же было его удивление, когда он заметил, что осёл плакал... и плакал, как мальчик!

– Эй, господин кучер, – закричал Пиноккио хозяину экипажа, – тут что-то странное! Этот ослёнок плачет!

– Пусть себе плачет – посмеётся потом!

– Разве вы его научили говорить?

– Нет, он сам выучился бормотать несколько

ко слов, когда бродил три года с дрессированными собаками.

– Бедное животное!..

– Ну же, не будем терять времени из-за слёз осла. Садись-ка на него верхом – и поедем дальше. Ночь холодная, а путь не близкий.

Пиноккио не возражал. Экипаж опять пока-
тился вперёд, и на рассвете путешественники благополучно приехали в Страну игр.

Эта страна не походила ни на какую другую на свете. Население её состояло только из мальчиков. Старшим было двенадцать лет, а младшим не больше восьми.

На улицах и площадях в Стране игр царило веселье: шум, крик, гам невообразимый! Всюду компании мальчуганов. Кто играл в орешки, кто метал кольца, кто гонял мяч, кто ездил на велосипеде, кто на деревянной лошадке; одни играли в жмурки, другие в салочки; некоторые были одеты бродячими циркачами и ели горящую паклю; кто пел, кто читал стихи наизусть, кто кувыркался, кто ходил на руках, кто прогуливался в генеральском мундире, с бумажной каской и деревянной шпагой; кто смеялся, кто кричал, кто хлопал руками, кто свистел, кто подражал петуху или курице; одним словом — стоял такой сумбур, такой гам и беспорядок, что хоть затыкай уши и беги вон. На всех площадях видны были балаганы, с утра до вечера наполненные зрителями, а на всех стенах красовались надписи, сделанные углем, например такие:

За здравствует забава!

(вместо: да здравствует забава) или:

Нихатимьбуца!

(вместо: не хотим учиться) или:

Долой Арифметику!

(вместо: долой арифметику!) и другие чудные произведения грамотности.

Пиноккио, Фитиль и все остальные мальчуганы, прибывшие с человечком, вмешались в эту беспокойную толпу, едва въехав в город; в самое короткое время они подружились со всеми жителями этой страны. И кто мог быть счастливее их всех?

Среди постоянных прогулок, всевозможных развлечений и безделья часы, дни, недели неслись с быстротой молнии.

— Что за счастье! — говорил Пиноккио каждый раз, когда встречался с Фитилем.

— Теперь ты видишь, что я был прав? — отзывался Фитиль. — А ты не хотел ехать с нами! Подумать только, ты мог вернуться домой к своей фее и тратить время на учение! Если ты освободился от скучных книг и школы, то этим ты обязан только мне, моим советам, моим стараниям, — сознаёшь ты это? Только верные друзья могут оказывать такие услуги.

— Это правда, Фитиль! Только благодаря тебе я теперь так счастлив. А знаешь, что мне по-

стоянно говорил наш учитель о тебе? Он говорил: «Не дружи с Фитилем; Фитиль плохой товарищ, он научит тебя только дурному!...»

– Бедный учитель! – Фитиль покачал головой. – Я знаю, что он меня не любил и всегда клеветал на меня; но я добрый и прощаю его!

– Какая у тебя благородная душа! – сказал Пиноккио, обнимая своего друга и целуя его в переносицу.

Между тем прошло уже пять месяцев, и всё это время наши сорванцы бездельничали, проводя целые дни в играх и развлечениях и не видя ни школы, ни книг. Как-то утром, проснувшись, Пиноккио был весьма неприятно поражён одним открытием, и это заставило его потерять весёлое расположение духа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

*У Пиноккио вырастают ослиные уши,
а потом он превращается в настоящего осла
и кричит по-ослиному*

то же с ним случилось? Я вам это скажу, мои милые маленькие читатели, случилось с ним вот что. Когда Пиноккио проснулся, то прежде всего почесал голову, и тут-то заметил... Отгадайте-ка, что он заметил? Он заметил, к величайшему удивлению, что уши у него выросли на целую четверть аршина.

Вы знаете, что у деревянного шута от рождения уши были такие маленькие, что едва их можно было заметить. Представьте себе его удивление, когда он увидел, что за одну ночь его уши стали длинными, как две щётки. Пиноккио тотчас стал искать зеркало, но, не найдя его, налил в умывальный тазик воды и,

посмотрев в неё, увидел то, чего никогда не желал бы видеть: прелестную пару ослиных ушей.

Предоставляю вам судить об огорчении, о стыде и отчаянии бедного Пиноккио.

Он стал плакать, кричать, биться головой об стену, но чем больше он выходил из себя, тем больше росли его уши. И мало того, что они росли, они ещё и покрывались шерстью по краям.

На крики Пиноккио явился симпатичный сурок, живший этажом выше. Видя отчаяние паяца, он с участием спросил его:

- Что с тобой, дорогой сосед?
- Я болен, я очень болен, мой милый сурок.. И эта болезнь меня очень пугает. Ты знаешь толк в медицине, можешь пощупать мой пульс?
- Попробую.

– Так посмотри, нет ли у меня лихорадки?
Сурок поднял переднюю лапку и, проверив у Пиноккио пульс, сказал, вздыхая:

– Друг мой, мне очень жаль сообщить тебе худую новость...

– А что такое?

– У тебя скверная лихорадка!

– Какая же?

– Ослиная.

– Я не знаю, что это за лихорадка, – возразил Пиноккио, хотя уже прекрасно понял, в чём дело.

– Так я тебе объясню, – ответил сурок. – Знай же, что через два или три часа ты не будешь ни деревянной куклой, ни мальчиком...

– Кем же я буду?

– Ты будешь осликом, настоящим осликом, – одним из тех, которые возят тележки с капустой и салатом на рынок.

– Ах, я несчастный! Горе мне, горе! – закричал Пиноккио, хватаясь за уши и неистово дергая их, как будто это были не его уши, а чужие.

– Милый друг, – сказал сурок, пытаясь его успокоить, – ничего не поделаешь, это твоя судьба, все своевольные дети, которым надоели книги, школы и учителя и которые проводят дни в забавах и безделье, должны рано или поздно превратиться в ослов.

– Неужели это правда? – спросил Пиноккио, рыдая.

– К несчастью, да. Теперь твои слёзы не помогут, надо было раньше об этом подумать.

– Я не виноват, поверь мне, сурочек, – лепетал Пиноккио, – во всем виноват Фитиль.

– А кто такой этот Фитиль?

– Это мой товарищ по школе. Я хотел вернуться домой, хотел быть послушным, хотел

учиться и заслужить похвалу... а Фитиль сказал мне: «К чему тебе ходить в школу? Что за охота тебе учиться?.. Поедем лучше со мной в Страну игр: там нас никто не заставит учиться, там мы будем играть с утра до вечера, и нам будет очень весело».

— Почему же ты послушался совета лживого друга, плохого товарища?

— Почему?.. Да потому, сурочек, что я шут неблагоразумный... и бессердечный. Ох, если бы у меня был хотя бы кусочек сердца, я бы никогда не покинул добрую мою фею, которая любила меня, как мать, и столько для меня сделала! И сейчас я уже не был бы куклой, а был бы настоящим мальчиком. Но если я теперь встречу Фитиля, то пусть не взыщет: ему не поздоровится!

Тут Пиноккио хотел уйти, но, не дойдя до двери, вспомнил об ослиных ушах. Что же он придумал? Стыдясь показаться с таким украшением на людях, он взял большой бумажный колпак и, натянув его на голову, спрятал уши и лицо до кончика носа. Затем он вышел и стал всюду искать Фитиля. Он искал его по улицам, на площадях, в театрах, искал повсю-

ду, но его нигде не было. Пиноккио расспрашивал всех, встречавшихся ему по дороге, но никто не видел Фитиля и ничего о нём сказать не мог. Тогда Пиноккио отправился к нему домой. Подойдя к двери, он постучался.

— Кто там? — спросил изнутри Фитиль.

— Это я, — ответил Пиноккио.

— Подожди немного, я тебе отопру.

Через полчаса дверь отворилась, но каково же было удивление Пиноккио, когда он, войдя в комнату, увидел, что и Фитиль стоит в большом бумажном колпаке, доходившем ему до носа.

При виде этого колпака Пиноккио почувствовал, что у него стало немного легче на душе, и тотчас же подумал:

«Уж не та ли у приятеля болезнь, что и у меня? Не подхватил ли он ослиную лихорадку?»

Делая вид, что ничего не заметил, он спросил, улыбаясь:

– Как поживаешь, дорогой мой Фитиль?

– Прекрасно, как мышь среди сыра.

– Ты это серьёзно говоришь?

– К чему мне лгать или шутить?

– Извини, пожалуйста; в таком случае скажи мне, зачем ты надел колпак и прячешь в нем свою голову и лицо?

– Доктор прописал мне это, потому что я ушиб колено. А ты, милый Пиноккио, зачем ты надел колпак, который доходит тебе до кончика носа?

– Мне тоже доктор прописал, так как я ободрал себе ногу.

– Бедный Пиноккио!..

– Бедный Фитиль!..

После этих соболезнований наступило продолжительное молчание, в течение которого приятели язвительно поглядывали друг на друга.

Наконец Пиноккио тоненьким и вкрадчивым голосом сказал товарищу:

– Прости моё любопытство, дорогой Фитиль, и скажи, не страдал ли ты когда-нибудь ушной болезнью?

– Никогда!.. А ты?

– Тоже никогда! Но сегодня с утра у меня что-то стало побаливать одно ухо.

– Представь, и у меня тоже.

– И у тебя?.. А какое ухо болит у тебя?

– Оба. А у тебя?

– Тоже оба. Уж не одна ли и та же болезнь у нас?

– Боюсь, что болезнь у нас одинаковая.

– Хочешь доставить мне удовольствие?

– Охотно, от души!

– Покажи мне свои уши.

– Почему бы и нет? Но прежде я желал бы посмотреть на твои, милый Пиноккио.

– Нет, сначала ты покажи мне свои.

– Нет, дружок, сначала ты, потом я!

– Вот что, – сказал Пиноккио, – сделаем по-приятельски.

– Как это можно сделать по-приятельски?

– Снимем наши колпаки одновременно. Согласен?

– Согласен.

– Так слушай команду! – И Пиноккио громко сосчитал: – Раз! два! три!

После слова «три» оба мальчугана сразу сняли свои колпаки и бросили их. Тут-то произошла сцена, которая могла бы показаться невероятной, если бы она не произошла в действительности. А случилось то, что Пиноккио и Фитиль, увидев себя одинаково награждёнными-

ми, вместо того, чтобы печалиться и жаловаться, стали потешаться над своими огромными ушами и разразились громким смехом. Они так хохотали, что чуть не повалились на пол; но вдруг Фитиль умолк, зашатался, изменился в лице и проговорил:

– Помоги, помоги мне, Пиноккио!

– Что с тобой?

– Я не могу держаться на ногах.

– И я тоже! – воскликнул Пиноккио, плача и шатаясь.

Тут оба стали на четвереньки и начали бегать по комнате на ногах и на руках. Во время этого бега их руки превратились в ноги с копытами, лица удлинились и преобразились в морды, а спины покрылись серой шерстью с чёрными полосами.

Но знаете, когда наступило самое тяжёлое испытание для этих несчастных? Самый тяжёлый и самый унижительный для них миг настал тогда, когда они почувствовали, как у них вырастает хвост. Тогда они и начали причитать и жаловаться на судьбу, убитые горем и стыдом. Но лучше бы они молчали. Вместо слов у них получались только громкие ослиные крики: «ио, ио, ио!» В этот миг слышался стук в дверь, и чей-то голос проговорил:

— Откройте! Я тот самый человечек, который привёз вас в эту страну. Отворите сейчас же, не то берегитесь!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Пиноккио, ставшего настоящим ослом, уводят для продажи; его покупает содержатель цирковой труппы и продаёт другому хозяину, который хочет сделать из его шкуры барабан

Видя, что дверь не открывается, человек сильным толчком открыл её сам и, войдя в комнату, сказал, посмеиваясь, своим тоненьким голоском:

— Молодцы! Вы хорошо кричали по-ослиному; я вас тотчас узнал по голосу и решил пожаловать к вам.

От этих слов наши ослики совсем пали духом, опустили головы и уши и поджали хвосты. Сначала человек погладил их, поласкал, похлопал по спине, затем почистил их скребницей. Вычистив осликов так, что их шкуры заблестели, как зеркало, он надел на них узды и повёл на рынок для продажи, на-

деясь выручить за них порядочную сумму денег.

За покупателями действительно дело не стало. Фитиля купил крестьянин, у которого за день до этого издох осёл, а Пиноккио попал к содержателю цирка, который решил обучить его прыжкам и танцам, как и других животных труппы. Теперь вы понимаете, мои маленькие читатели, что за человек был кучер, возивший детей в Страну игр? Этот уродец, казавшийся сладким, как молоко с мёдом, отправлялся время от времени со своим экипажем по белу свету; по дороге он заманивал

ласками и обещаниями всех ленивых мальчи-
ков, не желавших учиться; усадив в свой эки-
паж, он увозил их в Страну игр и, когда эти
мальчишки от безделья и развлечений станови-
лись ослами, продавал их на рынках и ярмар-
ках. Так он за несколько лет стал миллионе-
ром.

Что случилось с Фитилём, я не знаю, знаю
только то, что Пиноккио с первых же дней
пришлось очень тяжело.

Когда его водворили в конюшню, хозяин
цирка положил в ясли солому, но Пиноккио,
попробовав её, выплюнул. Тогда хозяин поло-
жил в ясли сена, но и сено не понравилось но-
вому ослу.

– А, тебе и сено не нравится! – закричал
рассерженный хозяин. – Подожди, милый ос-
лик, если у тебя есть капризы, то я сумею с ни-
ми справиться по-своему! – И для науки он
хлестнул Пиноккио кнутом по ногам.

Пиноккио заплакал от боли и закричал по-
ослиному:

– Ио, ио, ио, я не могу есть солому, не пере-
вариваю!

– Так ешь сено! – возразил хозяин, прекрасно понимавший ослиную речь.

– Ио, ио, ио, от сена у меня всё тело болит!

– Уж не хочешь ли ты, чтобы я кормил осла курами и каплунами? – спросил хозяин и опять ударил Пиноккио кнутом по ногам.

После такой дрессировки Пиноккио из осторожности замолчал и больше ничего не говорил. Между тем конюшню заперли, и Пиноккио остался один. Так как он уже давно ничего не ел, то его одолела зевота; он то и дело открывал рот шириной с добрую печную дверку.

Но голод так мучил его, что, не найдя в яслях ничего другого, он решился пожевать сено; разжевав его как следует, он закрыл глаза и проглотил его.

– Это сено ещё ничего, – подумал Пиноккио, – но как бы было хорошо, если бы я продолжал учиться!.. Теперь вместо сена я ел бы свежий хлеб с колбасой. Что делать, надо терпеть!..

На другой день, проснувшись, он стал вновь искать сено, но не нашёл его: ночью он съел всё. Тогда ему пришлось взяться и за солому, и теперь он убедился, что солома далеко не так

вкусна, как варёный рис с приправой или макароны с маслом.

— Что делать, надо потерпеть! — повторил Пиноккио, продолжая жевать солому. — Пусть это моё несчастье послужит уроком для всех непослушных детей, не желающих учиться. Потерпим, потерпим!..

— Что там терпеть, какое ещё терпение! — закричал хозяин, входя в этот миг в конюшню. — Ты, может быть, думаешь, что я тебя купил для того, чтобы кормить и поить? Я тебя купил для того, чтобы ты работал, для того, чтобы ты мне принёс побольше денег. Ну-ка, живо! Иди со мной в цирк, я научу тебя прыгать через обручи, прорывать головой бумажные круги, танцевать вальс и польку, стоя на задних ногах.

Бедный Пиноккио волей-неволей должен был учиться этим прекрасным наукам, но для этого потребовалось три месяца времени и много ударов хлыста, вырывавшего целые клочки шерсти.

Наконец наступил день, когда хозяин объявил о замечательном представлении.

В этот вечер уже за час до начала представления цирк был переполнен зрителями.

Нельзя было достать ни ложи, ни кресла, ни стула – даже если платить полновесным золотом. Скамьи были переполнены детьми, мальчиками и девочками всех возрастов, с лихорадочным нетерпением ожидавшими появления ослика Пиноккио.

Объявления на разноцветной бумаге, расклеенные по углам улиц, гласили:

БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМЪ:

ВЫХОДЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ■ ■

■ ■ ■ ■ ■ АКРОБАТОВЪ

и

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЯ УПРАЖНЕНИЯ

будутъ исполнены всѣми артистами, всѣми лошадьми цирка,

и

СВЕРХЪ ТОГО

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ

Знаменитаго Осли ПИНОККИО

ЗВѢЗДЫ БАЛЕТА.

Театръ будетъ освѣщенъ, какъ днемъ.

По окончании первой части представления директор труппы, одетый в чёрную куртку, белые брюки и сапоги выше колен, появился на арене и, раскланявшись перед публикой, торжественно произнёс следующую не вполне грамотную речь:

— Почтенная публика, кавалеры и дамы! Я, нижеподписавшийся, будучи проездом в знаменитом вашем городе, пожелал приобрести честь и особое удовольствие представить знатным и интеллигентным присутствующим знаменитого ослёнка, который имел честь танцевать в присутствии императора всех главных дворов Европы. И, благодаря всех, прошу, будьте снисходительны!

Эта речь была встречена хохотом и аплодисментами. Но рукоплескания удвоились и превратились в бурю при появлении на арене самого ослёнка Пиноккио. Он был украшен по-праздничному. На нём была новая уздечка из лакированной кожи, с пряжками и бляхами из латуни; два белых цветка украшали его уши; грива была разделена на множество косичек, перевязанных шёлковыми красными ленточками; большая золотая и серебряная полоса

проходила вдоль его туловища, а в хвост были вплетены бархатные ленточки, красные и голубые. Одним словом, Пиноккио был так хорош, что можно было им залюбоваться.

Представляя его публике, директор прибавил ещё несколько слов.

— Почтенные слушатели! Я не стану лгать относительно тех трудностей, какие мне пришлось превзойти, чтобы укротить это четвероногое животное, которое свободно паслось на горах и долинах Южного полушария. Обратите внимание на дикость в его глазах, почему, не находя средств приучить его к жизни благовоспитанных ослов, мне пришлось прибегнуть к красноречивому кнуту. Но все мои любезности были тщетны. К счастью, однако, я нашёл в его черепе кость, которую академия учёных признала за шишку, свидетельствующую о способности к танцам. Вот почему я захотел обучить его танцам, прыжкам и акробатическим трюкам. Восхищайтесь им и любуйтесь! Но прежде, чем проститься с вами, почтенная публика, позвольте вас пригласить и на завтрашний дневной спектакль; в случае дождя это пред-

ставление будет перенесено на послезавтра, на 11 часов утра.

Сказав это, директор ещё раз поклонился публике, а затем, обращаясь к Пиноккио, прошептал ему:

— Ну-ка, Пиноккио! Прежде чем начать ваше выступление, поклонитесь этой почтенной публике: кавалерам, дамам и детям!

Пиноккио тотчас согнул колени передних ног и стоял так до тех пор, пока директор, хлопая бичом, не скомандовал:

– Гоп, шагом!

Тогда ослёнок вскочил на ноги и стал ходить вокруг арены шагом.

Через некоторое время директор сказал:

– Рысью!

И Пиноккио побежал рысью.

– В галоп!

Пиноккио с рыси перешёл на галоп.

– В карьер!

Пиноккио пустился в карьер.

Когда он летел, словно дикая лошадь, директор поднял руку и выстрелил из пистолета. Моментально ослик, притворившись раненым, повалился наземь и лежал, как убитый. Затем он вскочил на ноги, и публика разразилась рукоплесканиями, и Пиноккио поднял голову. Он обвёл взглядом ряды зрителей и увидел в ложе прелестную даму, у которой на шее висела золотая цепь с медальоном, а в медальоне был портрет деревянного шута.

– Это мой портрет!.. Эта дама – моя фея!.. – сказал про себя ослик.

И вне себя от радости, Пиноккио воскликнул:

— О, моя фея! О, моя фея!..

Но вместо этих слов из его горла вырвалось такое громкое ржание, что вся публика покадилась со смеху.

Директор труппы, возмущённый таким криком при публике, ударил бедного Пиноккио ручкой кнута по носу. Бедняга высунул язык и стал облизывать им нос, надеясь, что от этого станет легче.

Но каково было его отчаяние, когда он, подняв голову во второй раз, заметил, что фея исчезла!.. Тогда он почувствовал себя таким одиноким, таким несчастным, что слёзы хлынули у него из глаз, и он горько заплакал. Никто, впрочем, этого не заметил, а директор, хлопнув кнутом, закричал:

— Ну-ка, Пиноккио! Теперь покажи публике, с какой грацией ты умеешь прыгать через обруч.

Пиноккио два или три раза пробовал исполнить это упражнение, но каждый раз, добежав до обруча, приостанавливался и пробегал под ним, считая это более удобным. Наконец,

он решился прыгнуть и в обруч: прыжок почти удался, но задние ноги, к несчастью, зацепились за круг, и бедный Пиноккио повалился на арену. Когда он сумел, наконец, подняться, то, хромая, поплёлся в конюшню.

– Пиноккио! Пусть выйдет Пиноккио! Мы хотим видеть Пиноккио! – дружно кричали дети, жалевшие несчастного ослика.

Но Пиноккио больше не показывался.

На следующее утро ветеринар, осмотрев ноги Пиноккио, сказал, что он останется хромым на всю жизнь.

Тогда директор труппы сказал конюху:

– Что мне делать с хромым ослом? Кормить дармоеда я не намерен. Отведи его на рынок и продай.

Пришли на рыночную площадь; покупатель тотчас нашёлся и спросил конюха:

– А сколько ты хочешь за хромого ослика?

– Двадцать серебряных монет.

– Я дам за него двадцать медных грошей.

Не думай, что я его покупаю для работы; только шкура его может пригодиться. У него кожа твёрдая, из неё выйдет барабан для оркестра в нашей деревне.

Можно себе представить, что испытал Пиноккио, когда услышал, что из него сделают барабан!

И вот Пиноккио был продан, и новый хозяин повёл его на берег моря. Там новый хозяин

повесил ему на шею камень, привязал верёвку к ноге и внезапно толкнул его в море. Пиноккио пошёл ко дну. А хозяин, держа верёвку в руке, сел на скалу, дожидаясь смерти Пиноккио, чтобы потом выпотрошить его и содрать кожу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

*Пиноккио, брошенный в море, выплывает
на поверхность воды прежней деревянной куклой;
когда он плывёт к берегу, его проглатывает
страшная акула*

Просидев почти час на скале, хозяин Пиноккио сказал сам себе:

— Пожалуй, мой бедный хромой ослик уже издох. Надо его вытащить и сделать из его кожи барабан.

И он стал тащить верёвку, привязанную к ноге Пиноккио. Тащит, тянет и, наконец, видит на поверхности воды... Отгадайте, что? Вместо дохлого ослёнка он увидел живого шута, который извивался, как угорь.

Увидев деревянную куклу, бедный крестьянин подумал, что это ему снится; он просто оштолбенел, разинул рот и выпучил глаза. Оправившись от первого изумления, он со слезами проговорил:

– А где же ослик, которого я бросил в море?

– Этот ослик – я самый и есть! – ответил

Пиноккио, смеясь.

– Ты?

– Я.

— Ах, негодяй! Так ты ещё насмехаешься надо мной?

— Насмехаться над вами? Совсем нет, милый мой хозяин, я говорю серьёзно.

— Но ты же недавно был осликом! Почему же теперь, выйдя из воды, ты стал деревянной куклой?..

— Вероятно, от действия морской воды. Море иногда так подшучивает.

— Берегись, шут, берегись!.. Не думай, что надуеешь меня. Беда, если моё терпение лопнет!

— Хотите знать всю правду? Отвяжите от моей ноги верёвку, и я вам расскажу, что со мной случилось.

Добрый и доверчивый хозяин, горя желанием узнать всю правду, немедленно развязал верёвку. А Пиноккио, почувствовав себя свободным, как птичка в воздухе, рассказал следующее:

— Знайте же, что я раньше был деревянной куклой, как и теперь; я уже должен был стать настоящим мальчиком, но, не желая учиться и послушав совета плохих товарищей, я убежал из дому. И вот в один прекрасный день я проснулся ослом, с длинными ушами и лохматым

хвостом! Как мне было стыдно – и сказать не могу! Так стыдно, дорогой хозяин, что даже врагу не желаю испытать такого! Потом меня повели на рынок, и я был куплен директором цирка, который захотел обучить меня танцам и трюкам. Но во время представления я упал, ушиб ногу и остался хромым. Тогда директор, не нуждаясь в хромом осле, послал меня на рынок, где вы меня и купили!..

– К несчастью! И я заплатил за тебя очень дорого. А кто теперь отдаст мне мои деньги?

– А зачем вы меня купили? Чтобы сделать из меня барабан!.. Подумайте – барабан!..

– К сожалению, да! Где же я теперь найду другую шкуру?

– Не отчаивайтесь, хозяин. Ведь ослов на свете так много!

– Скажи мне, дерзкий мальчуган, это вся твоя история?

– Нет, – ответил Пиноккио, – остается ещё досказать пару слов, и тогда моя история будет окончена. Когда вы меня купили, то привели сюда, чтобы убить; но вам жаль было зарезать меня, и вы предпочли привязать мне камень на шею и бросить в море. Это сострадание делает

вам честь, и я останусь вам вечно благодарен. Однако, дорогой хозяин, вы не подумали о моей фее...

— А кто такая эта фея?

— Это моя мама, которая похожа на всех добрых мам, желающих добра своим детям; они не выпускают их из виду, пекутся о них в несчастиях, даже тогда, когда эти дети, из-за шалостей и плохого поведения, заслуживали бы того, чтобы их покинули на произвол судьбы. И вот эта добрая фея, видя меня в опасности, послала целую стаю рыб, которые приняли меня за утонувшего ослика и стали меня есть! И как они ели! Оказывается, рыбы ещё более жадные, чем дети! Одна из них съела мои уши, другая мордочку, третья шею и гриву, четвёртая кожу и ноги... и среди них нашлась маленькая красивая рыбка, которая съела и мой хвост.

— С этого дня, — произнёс хозяин в ужасе, — клянусь не пробовать рыбьего мяса. Мало удовольствия разрезать сваренную рыбу и найти в ней ослиный хвост!

— Согласен, — со смехом ответил мальчик. — Так вот, когда рыбы наелись ослиного мяса, покрывавшего меня с ног до головы, они добра-

лись до костей... или, лучше сказать, до дерева, потому что, как видите, я весь из крепкого, твёрдого дерева. Попробовав меня, рыбы почувствовали, что я им не по зубам; поэтому они не стали меня доедать и уплыли в разные стороны, не сказав даже спасибо за завтрак. А после этого вы потянули верёвку и вытащили живого шута вместо дохлого ослика. Вот вам и вся моя история.

– Тебе-то смешно! – закричал рассерженный хозяин. – А я истратил на тебя деньги и хочу получить их обратно. Знаешь, что я сделаю? Я опять поведу тебя на рынок и продам, как залежалое сухое дерево, для растопки камина.

– Что ж, продавайте, я буду очень рад, – сказал Пиноккио.

Но в тот же миг он быстро прыгнул в воду. Весело бултыхаясь в воде и удаляясь от берега, он крикнул своему хозяину:

– Прощайте, хозяин! Если вам нужна будет кожа для барабана, то вспомните меня.

Так он смеялся и продолжал плыть; время от времени он оборачивался и ещё громче кричал:

— Прощайте, хозяин! Если вам нужно будет старое сухое дерево, чтобы затопить камин, не забывайте меня.

Наконец он уплыл так далеко, что почти скрылся из виду; вдали, на поверхности воды, виднелось только чёрное пятнышко, которое время от времени вскидывало ноги в воздух и уморительно кувыркалось.

Плывя куда глаза глядят, Пиноккио заметил возвышавшуюся среди моря белую скалу. Скала казалась мраморной, а на её вершине стояла прелестная козочка, которая блеяла и словно подзывала мальчика к себе.

Как странно: шерсть у козочки вместо белой или чёрной была синяя, ярко-синяя, напоминавшая волосы его юной феи.

Как сильно забилося сердечко бедного Пиноккио! Он поплыл что есть мочи к этой скале и был уже близко, как вдруг из-под воды показалась голова ужасного морского чудовища с разверстой пастью и тремя рядами зубов, которые могли испугать даже на картинке.

И знаете, кто было это чудовище?

Это была та огромная и страшная акула, которая не раз упоминалась в нашем рассказе и

которая, за причинённые ею беды и за свою прозорливость, была прозвана «грозой рыбаков и рыб».

Теперь вообразите себе испуг нашего бедного Пиноккио при виде этого чудовища!

Он попытался ускользнуть от акулы, изменив направление, но чудовище с огромной пастью летело прямо на него с быстротой стрелы.

— Скорее, Пиноккио, торопись! — кричала ему хорошенькая козочка.

И Пиноккио отчаянно плыл, напрягая все силы, работая руками и ногами.

— Плыви, спасайся, Пиноккио, чудовище приближается!..

И Пиноккио, собирая все свои силы, грёб ещё быстрее.

— Берегись, Пиноккио, чудовище уже догоняет тебя! Вот оно!.. Торопись, или ты погиб!..

И Пиноккио летел, а не плыл, — летел, как пуля из ружья.

Он уже приблизился к скале, и козочка протягивала свои лапки, чтобы помочь ему взобраться... Но!..

Но было поздно! Чудовище догнало его. Оно втянуло его в себя, как втянуло бы куриное яйцо, и проглотило с такой жадностью, что Пиноккио, провалившись в желудок акулы, шлепнулся со всех сил и лежал без сознания целых четверть часа.

Когда Пиноккио пришёл в себя, то долго не мог сообразить, где он находится. Кругом царила полная темнота, такая чёрная, глубокая темнота, что, казалось, он попал в чернильницу, наполненную чернилами. Пиноккио стал прислушиваться и не услышал ни малейшего

звука. Только время от времени порывы ветра ударяли прямо ему в лицо.

Сначала он не мог понять, откуда дул этот ветер, но потом понял, что это дыхание чудовища. Акула страдала одышкой; поэтому при каждом её вздохе казалось, что дует сильный ветер.

Пиноккио на первых порах храбрился, но когда он убедился, что находится в желудке морского чудовища, на него напал страх; он начал плакать и кричать:

– Помогите, помогите! Ах, я несчастный! Никого нет, кто бы мне помог!

– Кто тебя может спасти, несчастный? – заговорил в темноте какой-то голос, походивший на звук расстроенной гитары.

– Кто это говорит? – спросил Пиноккио, холодея от страха.

– Это я! я, бедный тунец, проглоченный акулой вместе с тобой. А ты какой породы рыба?

– Я вовсе не рыба, я деревянный шут.

– Почему же ты дал себя проглотить чудовищу, если ты не рыба?

– Конечно, я не сам полез ей в пасть; она меня проглотила! Но что же нам теперь делать здесь во мраке?

– Покориться судьбе и ждать, чтобы акула нас обоих переварила!..

– Да я не хочу быть переваренным! – завопил Пиноккио, начиная снова плакать.

– И я не хочу, – прибавил тунец, – но я утешаюсь тем, что для рыбы всё-таки почётнее умереть под водой, чем под маслом!

– Всё это глупости! – возразил Пиноккио.

– Это моё мнение, – заявил тунец, – а любое мнение, как говорят, следует уважать!

– Пусть будет так, но я хочу выйти отсюда... хочу бежать...

– Что же, беги, если тебе удастся!..

– А что, очень велика акула, которая нас проглотила? – спросил Пиноккио.

– Представь себе, её туловище длиннее версты, не считая хвоста.

Во время этого разговора впотьмах Пиноккио показалось, что он видит далеко-далеко какой-то свет.

– Что бы это могло быть? Видишь этот странный свет, там, вдали?

– Вероятно, какой-нибудь несчастный, который, как и мы с тобой, ожидает, когда чудовище переварит его в своем желудке.

– Пойду туда. Может быть, это какая-нибудь старая рыба, которая сумеет показать мне выход отсюда?

– От души желаю тебе успеха, милый мой шут!

– Прощай, тунец!

– Прощай, шут, будь счастлив!

– А где мы увидимся?

– Кто знает? Лучше не думать об этом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

*Пиноккио находит во внутренностях акулы...
Кого же он находит? Прочитайте эту главу,
и вы узнаете всё*

Как только Пиноккио простился со своим приятелем-тунцом, он двинулся вперёд, шатаясь впотьмах, и пошёл ощупью по внутренностям акулы, в сторону, где мелькнул свет. Его ноги погружались при каждом шаге в болотистую, жирную воду, которая так пахла морской рыбой, что мальчику казалось, будто он попал в постное царство.

Чем дальше он шёл, тем отчетливей виднелся свет. Двигаясь всё время вперёд, Пиноккио наконец доплёлся до этого места... А когда он доплёлся, то что он увидел? Предлагаю вам отгадать, но вряд ли вы сможете это сделать. Он увидел накрытый стол, на котором стояла зажжённая свеча, вставленная в бутылку из

зелёного стекла; за столом сидел старичок, белый, как лунь, будто он был сделан из снега или из взбитых сливок. Старичок этот ел живых маленьких рыбок, настолько бойких, что, пока он их ел, некоторые из них успевали выскакивать у него изо рта.

При виде всего этого Пиноккио вдруг охватила такая радость, что от неожиданности он чуть не сошёл с ума. Он хотел смеяться, хотел плакать, хотел сказать столько всего, а вместо того только мяукал и что-то невнятно, несвязно бормотал. Наконец, у него вырвался крик радости, и он, раскинув руки и бросаясь на шею старичка, не своим голосом завопил:

— О, мой папа, дорогой папа! Наконец-то я вас нашёл! Теперь уж я вас не покину никогда, никогда!

— Так мои глаза не обманывают меня? — ответил старичок, отчаянно моргая. — Это действительно ты, мой дорогой Пиноккио?

— Да, да, это я! И вы меня уже простили, правда? О, папа, мой милый папа, как вы добры! А подумать только, что я... Ах, если бы вы знали, сколько несчастий обрушилось на меня, что я только не испытал! Представьте себе, в тот день, когда вы, бедный папа, продали свою куртку, чтобы купить мне азбуку для школы, в тот самый день я побежал посмотреть спектакль, а хозяин захотел меня изжарить; и этот самый хозяин дал мне пять золотых монет, чтобы я их вам отнёс, но я встретил лису и кота, которые повели меня в гостиницу «Красный рак», где они наелись до отвала, а я отправился в дорогу ночью один и встретил разбойников, которые бросились на меня, но я дал тягу; а они за мной; я бежал что есть мочи, а они все за мной; наконец они настигли меня и повесили на ветке большого дуба, куда девушка с синими волосами прислала

за мной экипаж; и доктора, увидев меня, тотчас сказали: «Если он не умер, то, стало быть, он жив». И тогда я солгал, и мой нос стал расти так, что я не мог пройти в дверь, а потом я отправился с лисой и котом закопать монеты, четыре монеты, потому что одну из них я израсходовал в гостинице, а попугай стал смеяться, и из двух тысяч монет я не нашёл ни одной; а судья, узнав, что меня обокрали, посадил меня же в тюрьму; я вышел оттуда, увидел кисти винограда и попался в капкан; а крестьянин на-

дел мне собачью цепь, чтобы я сторожил курятник, а потом отпустил, а змея с дымящимся хвостом стала смеяться, и у неё лопнула жила, и я вернулся в дом прелестной девушки, которая умерла, и голубь, видя, как я плачу, сказал: «Я видел, что твой отец строил лодку, чтобы тебя разыскивать», а я сказал: «Ах, если бы у меня были крылья», а он сказал: «Хочешь пойти к отцу?»; а я сказал: «Ещё бы, но кто меня отвезёт туда?», а он сказал: «Я тебя отвезу», а я сказал: «Как?», а он сказал: «Садись мне на спину», и так мы летели всю ночь, потом утром все рыбаки, смотревшие на море, сказали мне: «Там тонет бедный человек в лодке», а я издали узнал вас, сердце мне это нащёптывало, и я делал вам знаки, чтобы вы вернулись на берег...

– Я тоже тебя узнал, – сказал Джепетто, – и охотно вернулся бы на берег, но что было делать? Море было бурное, и волна опрокинула мою лодку. Тогда эта страшная акула, заметив меня, кинулась в мою сторону и в один момент проглотила меня, как устрицу.

– Давно вы здесь сидите? – спросил Пиноккио.

— Да с тех пор прошло уже два года; да, два года, мой милый Пиноккио, показавшиеся мне двумя столетиями!

— Как же вы пробавлялись тут? И где же вы нашли свечу? И спички, чтобы её зажигать?

— Сейчас я всё расскажу тебе. Буря, которая опрокинула мою лодку, разбила и торговое судно. Матросы спаслись, но корабль пошёл ко дну, и та же акула, у которой в тот день был прекрасный аппетит, после меня проглотила и этот корабль...

— Как! Проглотила целиком?.. — спросил удивленный Пиноккио.

— Сразу целое судно, выплюнув только главную мачту, которая застряла у неё в зубах, как рыба кость. К счастью, корабль был нагружен не только консервами, но и сухарями, вином, изюмом, сыром, кофе, сахаром, стеариновыми свечами и восковыми спичками. Все это добро и помогло мне прожить здесь целых два года; но теперь почти ничего не осталось; в кладовой ничего нет, а эта свеча, которую ты видишь, последняя...

— А что будет дальше?

— Дальше, дорогой мой, наступит мрак.

– Если так, папа, то нельзя терять времени. Надо подумать о бегстве.

– Бежать? Но как?

– Надо выскочить из пасти и броситься по морю вплавь.

– Это хорошо, но, дорогой мой, я ведь не умею плавать!

– Это ничего! Вы сядете верхом мне на плечи, а я – пловец хороший и доберусь с вами до берега.

– Это праздные мечты, дорогой сынок! – возразил Джепетто, качая головой и грустно улыбаясь. – Возможно ли, чтобы у куклы, с аршин вышиной, хватило сил, чтобы доставить меня до берега?

– Попробуйте и увидите! Во всяком случае, если свыше суждено, что мы должны умереть, то, по крайней мере, умрём вместе.

Пиноккио взял в руку свечу и, двинувшись вперёд, сказал отцу:

– Идите за мной и не бойтесь.

Так они шли довольно долго, пока не миновали всё туловище и желудок акулы. Дойдя до начала огромной пасти чудовища, они приос-

тановились, чтоб осмотреться и выждать удобный момент для бегства.

Акула была уже старой, одышка заставляла её спать с открытой пастью. Благодаря этому Пиноккио, подойдя к горлу чудовища и подняв голову, увидел часть небесного свода, покрытого звездами, и ясную луну.

– Теперь самый удобный момент для бегства, – проговорил Пиноккио, обращаясь к отцу. – Акула спит, как сурок, море спокойно, и светит луна. Идите за мной, папа, и скоро мы будем спасены.

Сказано – сделано. Они поднялись по горлу чудовища и, дойдя до пасти, пошли на цыпочках по языку; язык был такой широкий и длинный, что казался аллеей в саду. Они уже готовились сделать отчаянный прыжок, чтобы броситься по морю вплавь, как вдруг акула чихнула, да так сильно, что Пиноккио и Джепетто разом очутились опять в глубине её желудка. Во время падения свеча потухла, и наши путешественники остались впотьмах.

– Что же теперь? – спросил Пиноккио, сделавшись серьёзным.

– Теперь, сынок, мы погибли.

— Как погибли? Дайте мне вашу руку, папа, и только не спотыкайтесь!

— Куда ты меня ведёшь?

— Надо попробовать ещё раз: идите со мной и ничего не бойтесь.

Сказав это, Пиноккио взял за руку своего отца, и они на цыпочках опять поднялись на акулье горло; потом они вновь прошли весь язык и перескочили через три ряда зубов. Но прежде чем сделать последний скачок, мальчик сказал:

— Теперь садитесь верхом мне на плечи и держитесь крепче. Об остальном я сам позабочусь.

Как только Джепетто уселся на плечах сына, храбрый Пиноккио, уверенный в себе, бросился в воду и поплыл.

Море было спокойно и гладко, луна сияла во всём своём блеске, а акула продолжала спать таким глубоким сном, что её не разбудил бы даже пушечный выстрел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

*Наконец Пиноккио перестает быть
деревянной куклой и становится мальчиком,
настоящим мальчиком*

Пока Пиноккио быстро плыл к берегу, он заметил, что его отец, ноги которого тащились по воде, весь дрожит, как в сильнейшей лихорадке. От холода или от страха он дрожал? Кто знает? Может быть, и от того и от другого вместе. Но Пиноккио, решив, что основная причина в страхе, сказал, успокаивая отца:

— Мужайтесь, папа! Через несколько минут мы выйдем на берег — и будем спасены.

— Где же этот благословенный берег? — спросил старик, всё больше и больше беспокоясь и прищуривая глаза, как это делают портные, когда вдевают нитку в иглу. — Я смотрю во все стороны и ничего не вижу, кроме неба и моря.

— А я вижу и берег, — сказал мальчик. — Ведь я дальноркий, как кошка, и ночью вижу лучше, чем днем.

Бедный Пиноккио старался казаться весёлым, между тем как на самом деле... он начинал тревожиться, силы его ослабевали, дыхание становилось тяжёлым... Одним словом, он изнемогал, а берег был ещё далеко. Он плыл, сколько хватало сил, а потом, обратившись к Джепетто, проговорил еле внятно:

— Папа, помогите... я умираю...

Наступил решающий момент: отец и сын едва держались на воде. Вдруг они услышали голос, похожий на звук расстроенной гитары; этот голос спросил:

— Кто это умирает?

— Я и мой бедный папа!

— Я узнаю этот голос! Ты Пиноккио?

— Он самый, а ты кто?

— А я тунец, твой товарищ по заключению в желудке акулы.

— Как ты удрал отсюда?

— Я последовал твоему примеру. Ты показал мне дорогу, а после тебя улизнул и я.

— Милый тунец, ты явился очень кстати. Прошу тебя ради той любви, какую ты питаешь к своим маленьким тунчикам, помоги нам, или мы погибли.

— Охотно и от всей души помогу. Ухватитесь оба за мой хвост и держитесь. Через четыре минуты я доставлю вас на берег.

Джепетто и Пиноккио, как вы можете себе представить, немедленно приняли предложение; но вместо того, чтобы ухватиться за хвост рыбы, они предпочли сесть ей на спину.

– Не тяжело тебе? – спросил Пиноккио с тревогой.

– Ни капельки: мне кажется, будто у меня на спине две раковины, – ответил тунец, который был такого крепкого сложения, что походил на двухлетнего бычка.

Достигнув берега, Пиноккио выпрыгнул первым, чтобы помочь отцу; затем он растроганно обратился к тунцу:

– Друг мой, ты спас моего папу! Я не нахожу слов, чтобы выразить тебе мою признательность! Позволь мне поцеловать тебя в знак моей вечной благодарности!..

Тунец высунул морду из-под воды, и Пиноккио, став на колени, сердечно чмокнул его в самые губы. Этот знак благодарности и нежности до того растрогал бедного тунца, не привыкшего к подобным чувствам, что он, стыдясь выдать слёзы, нырнул в воду и больше не показывался.

Между тем настал день.

Пиноккио, подав руку Джепетто, который еле стоял на ногах, сказал:

— Опирайтесь на мою руку, дорогой мой папа, и пойдёте. Мы пойдём тихо, медленно, как муравьи, и, когда устанем, будем отдыхать по дороге.

— А куда мы пойдём? — спросил Джепетто.

— Поищем домик или хижину, где бы нам дали из милости кусочек хлеба и немного соломки для отдыха.

Не прошли они и ста шагов, как увидели двух оборванцев, сидевших у дороги и просивших милостыню. Это были лиса и кот; но теперь их и узнать было нельзя.

Представьте себе, кот, вечно слепым прикидываясь, кончил тем, что действительно ослеп, а лиса постарела, полиняла и была без хвоста. Эта гнусная воровка совсем обнищала и в один прекрасный день вынуждена была продать свой прекрасный хвост странствующему торговцу, который купил его, чтобы сделать себе опахало от мух.

— О, Пиноккио! — воскликнула лиса тоскливым голосом. — Помоги, дай милостыню двум бедным калекам!

— Калекам! — повторил кот.

— Прощайте, лицемеры! — ответил мальчик. — Вы меня обманули один раз, но в другой раз не обманете.

— Поверь, Пиноккио, теперь мы на самом деле нищие и несчастные!

— На самом деле! — повторил кот.

— Если вы бедны, то вы это заслуживаете. Помните поговорку: «Чужое добро впрок нейдет». Прощайте, лгуны!

- Сжался над нами!..
- Над нами!
- Прощайте, воришки! Помните пословицу: «Как аукнется, так и откликнется».
- Не покидай нас!..
- Нас! – повторил кот.
- Прощайте, лицемеры! Помните пословицу: «Чужое взять – своё потерять».

После этого Пиноккио и Джепетто спокойно продолжали путь. Пройдя ещё шагов сто, они увидели в конце дорожки среди поля уютную хижинку из соломы.

– В этой хижине, должно быть, живут люди, – сказал Пиноккио, – пойдём туда и постучимся.

Они подошли к хижине и постучались.

- Кто там? – спросил чей-то голосок.
- Мы, отец и сын, без хлеба и без крова.
- Поверните ключ, и дверь откроется, – сказал тот же голосок.

Пиноккио повернул ключ, и дверь действительно отворилась.

Войдя в хижину, отец и сын осмотрелись, но никого не увидели.

– Где же хозяин этой хижины? – спросил удивлённый Пиноккио.

– Я здесь, наверху!

Отец и сын подняли глаза к потолку и увидели на балке Сверчка-говоруна.

– Ах, мой дорогой Сверчок, – сказал Пиноккио, вежливо кланаясь.

– Вот как, теперь ты меня называешь «своим дорогим»? А помнишь, как ты меня гнал из дому деревянным молотком?

– Ты прав, Сверчок! Прогони теперь и меня... брось и в меня молотком, но сжался над моим папой...

– Я пожалею и отца, и сына! Я только хотел напомнить тебе о твоём приёме, чтобы показать тебе: на этом свете всем нужно оказывать любезность, для того чтобы иметь право на такую же любезность со стороны других, когда будешь в нужде.

– Ты прав, Сверчок, и я зарублю это себе на носу. Но скажи, как ты ухитрился купить эту славную хижину?

– Эту хижину только вчера мне подарила хорошенькая коза с синей шерстью.

— А куда ушла эта козочка? — спросил Пиноккио с живейшим любопытством.

— Не знаю.

— А когда она вернется?..

— Она никогда не вернется. Вчера она ушла очень грустная и повторяла одно: «Бедный Пиноккио... я его больше не увижу... акула проглотила его!»

— Она так и сказала?.. Стало быть, это была она!.. Это она!.. Это была моя дорогая фея!.. — воскликнул Пиноккио, заливаясь слезами.

Он долго плакал, но наконец утёр глаза и принялся укладывать спать Джепетто, устроив ему постель из соломы. После этого он спросил у Сверчка:

— Скажи, Сверчок, где я могу достать стакан молока для бедного папы?

— На третьем поле отсюда живет огородник Джанджо; он держит коров. Ступай к нему, и ты достанешь молока.

Пиноккио быстро сбежал к огороднику Джанджо, который спросил его:

— А сколько тебе нужно молока?

— Мне нужен полный стакан.

– Стакан молока стоит пятак. Дай мне сначала пятак.

– У меня нет ни полушки, – ответил ему опечаленный Пиноккио.

– Плохо, мальчуган, – возразил огородник. – Если у тебя нет полушки, то у меня нет молока и с наперсток.

– Что делать! – сказал Пиноккио и повернулся, собираясь уйти.

– Постой-ка, – сказал Джанджо. – Мы можем стовориться с тобой. Хочешь попробовать вращать ворот?

– Что это за ворот?

– Это такой деревянный столб с колесом, чтобы таскать воду из колодца для поливки огородов.

– Попробую...

– Так вот, вытащи-ка мне сто ведер воды, и я тебе заплачу за это стаканом молока.

– Хорошо.

Джанджо повел мальчика в огород и научил его крутить ворот. Пиноккио тотчас принялся за работу. Дело ещё далеко не было окончено, а он уже был весь в поту с ног до головы. Так он никогда ещё не трудился.

– До сих пор эту работу исполнял мой осёл, – сказал огородник, – но он, бедняга, теперь умирает.

– Покажите мне его, – попросил Пиноккио.

– Охотно.

Войдя в конюшню, Пиноккио увидел славного ослика, который лежал на соломе, истощённый голодом и работой. Внимательно осмотрев его, Пиноккио в волнении сказал про себя:

«Я же знаю этого ослика! Он знаком мне!» – И, нагнувшись к нему, он спросил на ослином наречии:

– Кто ты такой?

Ослик открыл глаза и еле слышно ответил на том же наречии:

– Я... Фи... ти... ль...

Сказав это, бедный ослик издох.

– Ах, бедный, бедный Фитиль! – прошептал Пиноккио, и, взяв пучок соломы, он утер слезу, катившуюся по его лицу.

– Что это ты так жалеешь осла? – спросил огородник.

– Я вам скажу... он был моим другом...

– Твоим другом?

– Да, товарищем по школе!..

– Как?! – воскликнул Джанджо, расхохотавшись. – Как?! Твоими товарищами в школе были ослы?.. Воображаю, чему ты научился в этой школе!

Пиноккио, обиженный такими словами, ничего не ответил. Он взял обещанный ему стакан теплого молока и возвратился в хижину к отцу.

С этого дня Пиноккио в течение пяти месяцев ежедневно вставал на рассвете и ходил

вращать ворот колодца, чтобы заработать стакан молока, которое было так полезно его отцу. Но он этим не удовольствовался: по вечерам он научился плести корзины. Так, работая на входе и продавая корзины, он мог содержать отца и себя. Затем Пиноккио своими руками сделал нарядную коляску, в которой возил своего отца на прогулки. По вечерам он упражнялся в чтении и письме. Он купил в соседней деревне толстую книгу, в которой не доставало заглавия и оглавления, по которой он и учился читать. Писал он при помощи палочки, заостренной, как перо, а чернилами ему служил вишневый или шелковичный сок в маленькой бутылочке. В результате Пиноккио даже сделал сбережения, чтобы купить себе новое платье. В одно прекрасное утро Пиноккио сказал отцу:

– Я пойду на соседний рынок купить себе куртку, шляпу и башмаки. Когда я вернусь домой, – прибавил он, улыбаясь, – то буду так хорошо одет, что вы меня примете за господина.

Он ушёл из дому весёлый и довольный. Вдруг он услышал, что его зовут по имени.

Обернувшись, он увидел улитку, выползавшую из-под забора.

– Ты меня не узнаешь? – сказала улитка.

– Кажется, будто я тебя видел где-то, но не помню точно...

– А ты разве не помнишь улитку, которая служила у феи с синими волосами? Разве ты не помнишь, как я спустилась, чтобы впустить тебя в дом, и ещё нога твоя застряла в двери.

– Помню, помню, – воскликнул Пиноккио, – так скажи мне, милая улиточка, где ты оставила мою добрую фею? Что она подделывает? Она простила меня? Помнит ли она меня? Любит ли меня? Далеко ли она отсюда? Могу ли я видеть её?

На все эти торопливые вопросы улитка ответила со своим обычным хладнокровием:

– Пиноккио! Бедная фея лежит в больнице, в постели, больная!..

– В больнице?

– К несчастью. С горя она заболела, и теперь у неё нет средств купить себе кусочек хлеба.

– Правда?.. Ах, как ты меня огорчила этим известием! О, бедная фея! Бедная моя фея!.. Ес-

ли бы у меня был миллион, я сейчас же отдал бы ей... Но у меня только один золотой... вот этот! Я шёл купить себе платье. Возьми его, улиточка, и отнеси сейчас же моей дорогой фее.

— А новое платье?

— Что мне до нового платья? Я продал бы и эти лохмотья, лишь бы ей помочь! Иди, иди, улиточка, поторопись! Через два дня вернись, и я надеюсь, что смогу дать тебе ещё немного денег. До сих пор я работал, чтобы содержать папу, а с этого дня буду работать пятью часами больше, чтобы помочь и маме. Прощай же, улитка, жду тебя здесь через два дня.

Улитка, против своего обыкновения, побежала, как ящерица в солнечные августовские дни.

Когда Пиноккио вернулся домой, отец спросил его:

— А где твое новое платье?

— Я не нашёл ничего подходящего. Потерпим!.. В другой раз куплю.

В этот вечер Пиноккио, вместо того чтобы лечь спать в десять часов, бодрствовал до полу-

ночи! И вместо того, чтобы сделать восемь корзинок из камыша, сделал шестнадцать.

Потом он лег спать и заснул. Во сне он видел фею, сиявшую красотой и радостью; она поцеловала его и сказала:

— Отлично, Пиноккио! За твое доброе сердце я прощаю тебе все шалости и непослушание. Дети, которые помогают родителям в их несчастьях и недугах, заслуживают похвалы и любви, даже если они и не отличались особенно хорошим поведением и послушанием. Будь благодарен в дальнейшем, и ты будешь счастлив.

Тут сон прервался. Пиноккио проснулся в недоумении.

Представьте себе его удивление, когда, проснувшись, он заметил, что он уже не деревянный шут, а настоящий мальчик. Он обвёл глазами окружающие его предметы и увидел вместо соломенных стен хижины уютную комнату, обставленную со вкусом, почти с роскошью. Спрыгнув с постели, он нашёл приготовленное для него нарядное новое платье, новую шляпу и пару кожаных ботинок — всё это было как на картинке.

Одевшись, Пиноккио машинально опустил руки в карманы и вынул маленький кошелёк из слоновой кости, на котором было написано: «Фея с синими волосами возвращает своему дорогому Пиноккио золотую монету и благодарит за его доброе сердце». Открыв кошелёк, он нашёл в нём не одну золотую монету, а целых сорок блестящих червонцев. Потом Пиноккио посмотрелся в зеркало и не узнал себя. Он увидел не прежнюю деревянную фигуру, а живого, бойкого, хорошенького мальчика с каштановыми волосами, с голубыми глазами и с весёлым лицом.

Пиноккио не знал, наяву это происходит или во сне.

— А где мой папа? — вдруг закричал Пиноккио.

Он бросился в другую комнату и увидел Джепетто здоровым, бодрым и весёлым, как это было прежде. Старик вернулся к своему ремеслу резчика и работал над доской, украшая её листьями, цветами и головами разных животных.

— Объясните, папа: как произошла эта неожиданная перемена? — спросил Пиноккио,

бросаясь на шею отцу и покрывая его поцелуями.

– Эта перемена в нашей жизни произошла благодаря тебе, – ответил Джепетто.

– Почему же благодаря мне?

– Потому что когда дети из скверных и непослушных делаются добрыми и послушными, то они получают способность изменить и всю жизнь в семье, превращая беду в радость и счастье.

— А куда девался прежний деревянный Пиноккио?

— А вот он там! — ответил Джепетто и указал на куклу, стоявшую у стула с понуренной головой, повисшими руками и вывернутыми ногами.

Пиноккио повернулся в ту сторону, посмотрел на куклу и сказал про себя, улыбаясь:

— Как я был смешон, когда был шутом! И как я теперь рад, что стал настоящим мальчиком!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая

*Как столяр Вишня нашёл полено,
которое плакало и смеялось, как ребёнок 5*

Глава вторая

*Мастер Вишня дарит странное полено своему
другу Джепетто, который берёт его, чтобы
сделать чудесную куклу, умеющую плясать,
драться на саблях и прыгать 9*

Глава третья

*Джепетто, вернувшись домой, принимается
делать куклу и даёт ей имя Пиноккио. – Первые
проделки куклы 14*

Глава четвёртая

*Приключения Пиноккио со Сверчком-говоруном,
из которых следует, что скверные дети
не любят, чтобы их наставляли
те, кто знает больше них 23*

Глава пятая

*Пиноккио голоден; он находит
яйцо, хочет сделать из него яичницу, но эта
яичница улетает в окошко 27*

Глава шестая.

*Пиноккио засыпает у жаровни
и просыпается на следующее утро с обгорелыми
ногами* 31

Глава седьмая

*Джепетто возвращается домой и отдает кукле
завтрак, купленный им для себя* 34

Глава восьмая

*Джепетто приделявает новые ноги Пиноккио
и продаёт свою куртку, чтобы купить ему
азбуку* 40

Глава девятая

*Пиноккио продает азбуку, чтобы
посмотреть кукальное представление* 45

Глава десятая

*Куклы узнают в Пиноккио собрата и торжественно
встречают его, но в самый разгар веселья является
хозяин театра Манджафоко, и Пиноккио рискует
плохо закончить свою жизнь* 50

Глава одиннадцатая

*Манджафоко чихает и прощает Пиноккио,
который после этого защищает и спасает
от смерти своего друга Арлекина* 55

Глава двенадцатая

*Манджафоко дарит Пиноккио пять золотых
монет, чтобы он отнёс их своему отцу
Джепетто; но Пиноккио увлекают за собой лиса
и кот* 62

Глава тринадцатая

Гостиница «Красный рак» 70

Глава четырнадцатая

Пиноккио, не послушав добрых советов
Сверчка-говоруна, встречает разбойников 76

Глава пятнадцатая

Разбойники догоняют Пиноккио и, поймав его,
вешают на ветке большого дуба 82

Глава шестнадцатая

Прелестная девушка с синими волосами
приказывает снять Пиноккио, укладывает его
в постель и зовёт трёх докторов, чтобы узнать,
умер он или жив 86

Глава семнадцатая

Пиноккио ест сахар, но не хочет принимать
лекарство, однако, когда за ним приходят
могильщики, всё же соглашается его выпить.
Потом Пиноккио ложётся, и за это его нос
вырастает до чудовищных размеров 91

Глава восемнадцатая

Пиноккио встречает лису и kota
и отправляется с ними на поле чудес, чтобы
посадить свои четыре монеты 100

Глава девятнадцатая

У Пиноккио крадут четыре золотые монеты,
и в наказание за это он просиживает четыре
месяца в тюрьме 108

Глава двадцатая

Выйдя из тюрьмы, Пиноккио хочет вернуться в дом феи, но по дороге встречается страшную змею, а затем попадает в капкан 115

Глава двадцать первая

Пиноккио пойман крестьянином, который заставляет его сторожить курятник вместо собаки120

Глава двадцать вторая

Пиноккио выдаёт воров и в награду за это получает свободу 125

Глава двадцать третья

Пиноккио оплакивает смерть девушки с синими волосами, потом встречается голубя, который переносит его на берег моря, где он бросается в воду, чтобы помочь своему отцу Джепетто ... 130

Глава двадцать четвёртая

Пиноккио пристаёт к острову Трудолюбивых Пчёл и находит там фею 139

Глава двадцать пятая

Пиноккио обещает фее исправиться и пойти учиться, потому что ему надоело быть шутком и хочется стать хорошим мальчиком 149

Глава двадцать шестая

Пиноккио отправляется со своими товарищами

на берег моря, чтобы посмотреть
на чудовищную акулу 155

Глава двадцать седьмая

Большая драка между Пиноккио и его
товарищами; один из них ранен, и Пиноккио
арестован полицией 161

Глава двадцать восьмая

Пиноккио рискует быть изжаренным
на сковороде, как рыба 172

Глава двадцать девятая

Пиноккио возвращается домой к фее, которая
обещает на следующий день превратить его
в настоящего мальчика. Завтрак в виде кофе
с молоком, чтобы отпраздновать это великое
событие 180

Глава тридцатая

Пиноккио, вместо того чтобы стать
настоящим мальчиком, тайком отправляется
со своим другом Фитилем в Страну игр 194

Глава тридцать первая

Не обращая внимания на предупреждения
говорящего ослёнка, Пиноккио вместе
с Фитилём прибывает в Страну игр 203

Глава тридцать вторая

У Пиноккио вырастают ослиные уши, а потом

он превращается в настоящего осла и кричит
по-ослиному 213

Глава тридцать третья

Пиноккио, ставшего настоящим ослом, увозят
для продажи; его покупает содержатель
цирковой труппы и продаёт другому хозяину,
который хочет сделать из его шкуры барабан .. 224

Глава тридцать четвёртая

Пиноккио, брошенный в море, выплывает
на поверхность воды прежней деревянной
куклой; когда он плывёт к берегу, его
проглатывает страшная акула 238

Глава тридцать пятая

Пиноккио находит во внутренностях акулы..
Кого же он находит? Прочитайте эту главу,
и вы узнаете всё 250

Глава тридцать шестая

Наконец Пиноккио перестает быть деревянной
куклой и становится мальчиком, настоящим
мальчиком 260

Литературно-художественное издание

**Карло Коллоди
ПИНОККИО**

Ответственный редактор *Л. Кондрашова*
Литературный редактор *Д. Селиверстова*
Художественный редактор *А. Маиуков*
Компьютерная графика *А. Матвеев*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *В. Позднякова*
Корректор *А. Паницова*

В оформлении переплета использован
рисунок художника *С. Дергачева*

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Крары Цветкин, д. 18, корп. 5.
Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.10.2004.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 5100 экз. Зак. № 4822

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-699-08213-1

9 785699 082131 >

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-88-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Митуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-78.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Бульвар»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-18.

68 42